

Ноль в графе

ВЛАДИМИР ГОРОЖАНКИН

U.S. ARMY
COMBAT OPERATIONS REPORT

DATE: 12 NOV 1967
LOCATION: I CORPS, RVN

ENEMY BODY COUNT:

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

1ST INFANTRY DIVISION
COMPANY: B

0

18+

Владимир Горожанкин

Ноль в графе

<https://litres.ru/74673129>

SelfPub; 2026

Аннотация

Июнь 1967 года. Джунгли провинции Плейку, операция "Фрэнсис Мэрион". Взвод роты "Чарли" марширует сквозь вечный дождь и зеленый сумрак, где враг не виден даже в десяти шагах, а смерть летит сверху - оттуда, откуда не спрячешься за стволом. Здесь окурки не бросают, потому что по мусору противник читает патруль, а письмо домой начинается со слов "все нормально". Рядовой Джек Дэниелс мечтает лишь об одном: выжить до дембеля. Но война не спрашивает. Она начинается с нуля в графе "потери противника" и заканчивается пулей от своего же напуганного салаги на ночном посту - в спину радисту, который нес на горбе сорок четыре письма жене. Это честная, антигламурная история о том, как отлаженная машина перемалывает девятнадцатилетних пацанов - и как в бумаге Пентагона любой из них превращается в аккуратную строчку. Иногда - в строчку со звездой. Для вдовы её муж навсегда останется героем, погибшим в бою. Роман для тех, кто хочет не подвига, а правды.

Содержание

Глава 1: Нулевые потери	4
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Владимир Горожанкин

Ноль в графе

Глава 1: Нулевые потери

Рядовой Джек Дэниелс сидел на мокром бревне и ковырял ложкой в банке. Внутри плавали бобы с ветчиной, но выглядели и пахли они так, будто их уже кто-то однажды съел. Шло четырнадцатое июня 1967 года. Второй взвод роты «Чарли» первого батальона 12-го пехотного полка четвертой дивизии занесло в джунгли провинции Плейку, в тридцати километрах от камбоджийской границы.

Джек не помнил, когда в последний раз был сухим.

В его родной Алабаме жара лупила как кувалдой. Но там потеешь, уходишь в тень, обсыхаешь - и снова живой. А здешняя сырость гноила заживо. Она забивалась под тропическую форму, пропитывала хлопок, и одежда липла к телу как чужая мертвая кожа. В паху, на локтях и под коленями мокрая ткань натирала так, что к вечеру всё разъедало в кровь. Джунглевые ботинки с сеточками у подошв сохли за час, если выйти на сухую землю. Вот только сухой земли во всем Плейку не осталось - сезон дождей хлынул четвертую неделю назад.

Дэниелс вытянул затекшие ноги и мотнул подбородком в

сторону Рамиреса. Тот сидел рядом и молча жевал, уставившись в пустоту.

- Опять хэм-энд-бинс, - сплюнул Джек, даже не дочитав надпись на жестянке. - Сука, тошно уже.

Рамирес не повернул головы. Он вообще замолчал неделю назад, когда взвод прижали в бамбуковой роще. Сержант Ковальски - здоровый рыжий мужик, который без умолку травил байки про свою сестру из Чикаго - поймал тогда три пули в горло. Рамирес вытаскивал его из-под огня к деревьям и потом рассказывал Санчесу, что Ковальски еще дышал. Из шеи у него шло бульканье, будто воду трясут в пробитой фляге. Потом сержант затих. И Рамирес затих вместе с ним. На приказы он реагировал, команды выполнял, но в остальном будто выключился. Как рация, в которой сгорела лампа и остался один глухой шум.

Рядом на пяточке сидели еще одиннадцать человек. Всё, что уцелело от второго взвода. До начала операции «Фрэнсис Мэрион» их было тридцать два. Взводом командовал лейтенант Брюстер - двадцатитрехлетний пацан, выпускник курсов офицеров запаса из Огайо. У него постоянно запотевали очки в роговой оправе, и он из кожи вон лез, чтобы никто не заметил его трусости. Боялись-то все, но Брюстер из-за своего страха начинал орать команды слишком громко и сутеться раньше времени.

Операция «Фрэнсис Мэрион» шла с шестого апреля, но вторую бригаду кинули сюда только семнадцатого мая. За-

дача стояла простая на бумаге и дурная на деле: найти и зачистить полки Первой дивизии северовьетнамской армии, которые ошивались в приграничной зеленке. Генерал-майор Пирс требовал прижать гуков к самой границе, не давая им окопаться. Но северяне хотели того же самого, только со своим расчетом. Они заманивали американцев поглубже в заросли, отрезали от городов и баз, чтобы выматывать в джунглях, где знали каждый куст.

Обе стороны делали именно то, чего ждал противник. С этого и начался весь паршивый расклад.

Батальон «Красных воинов» действовал с временных баз огневой поддержки, которые артиллеристы наспех окапывали в паре километров от границы. Шесть 105-миллиметровых гаубиц за брустверами из мешков с песком прикрывали пехоту, пока роты уходили на «зачистки». Схема была одна и та же: прешь по тропам, ловишь огневой контакт, зарываешься в грязь, вызываешь арту и авиацию, считаешь трупы, возвращаешься. Через день - всё по новой. И так неделями.

Главное было - увидеть врага. Джунгли росли в три яруса. Густые кроны съедали солнце, оставляя внизу вечный зеленый сумрак. Человек в трех шагах казался тенью, в десяти - растворялся совсем. Гуки этим пользовались. Они вели патрули от самой базы и били когда хотели. Подпускали роту вплотную, метров на сто, чтобы американские летуны и артиллерия не могли ударить без риска накрыть своих, и засыпали минами. Еще у них были снайперы на деревьях. «Де-

рево» - вот чего Джек стал бояться до усрачки. Не мин, не засад, а именно деревьев. Пуля, которая летит сверху, ломала всю логику: от нее нельзя спрятаться за стволом, нельзя понять, откуда бьют. Оставалось только вжиматься в жижу и ждать, пока парень с «блупером» - тупорылым сорокамиллиметровым гранатометом - не догадается осколочным разнести верхушку кроны.

В тот день взвод погнали на прочесывание к северо-западу от базы, в сторону высоты 827. На инструктаже Брюстер особо не распиался. Просто развернул карту в целлофановом чехле, заляпанном жирными маркерами, и ткнул пальцем в зеленку. Рота «Чарли» шла колонной, второй взвод - в авангарде.

За связь отвечал Хендерсон. Здоровый черный парень из Детройта тащил на горбу радиостанцию PRC-25, а в рюкзаке, завернутый в двойной пластик, лежал архив - сорок три письма жене. Хендерсон строчил их каждый вечер и собирался отправить все разом, когда взвод вернется в Кэмп-Энари, базовый лагерь под Плейку. Пачка писем занимала уже половину вещмешка.

Выдвинулись в семь утра. Джунгли обступили сразу. Бамбук и переплетенные лианы сменялись папоротником в человеческий рост. Тропы если и попадались, то больше похожие на звериные лазы. Взвод растянулся цепочкой. Головной дозор из четырех человек ушел на двадцать метров вперед. С каждым шагом ноги увязали в гнилой листве, ветки цеп-

лялись за ремни, а пот заливал глаза так, что щипало веки.

Снаряжение весило под тридцать кило. На Джеке висела M16, восемь магазинов в подсумках на поясе, две фляги, сухарка с консервами, лопатка, пончо, аптечка и две одноразовые трубы «Лоу», прикрученные поверх рюкзака. В сухую погоду от такой тяжести ломило спину, а сейчас, когда брезент и ремни насквозь пропитались водой, подъем на любой холм превращался в гребаную каторгу. Ботинки скользили по мыльной грязи, и парни то и дело падали на колени.

Часа через два вышли к ручью. Мутная жижа шириной метра три, глубиной по колено. Перешли вброд. Джек мельком глянул на свои ноги - штаны и ботинки покрылись ровным слоем желтой глины и слились с речным дном.

На том берегу Хуан Санчес наткнулся на следы. Не свежее, со вчерашнего дня или позавчерашнего. Четкие отпечатки маленьких босых ног и характерный узор автомобильного протектора - гуки резали сандалии из покрышек. Парни называли это «каблуками Хо Ши Мина».

Санчес присел на корточки, потрогал пальцем размокшую глину в ямке и негромко выругался:

- Твою мать... Джек, глянь сюда. Эти суки крутятся где-то рядом. А дома сейчас Мария, небось, пирог с яблоками печет. Господи, как я хочу назад в Техас.

Дэниелс даже не повернул головы в его сторону, лишь крепче перехватил ремень винтовки.

- Заткнись, Санчес. Твой Техас остался на другой планете.

Шевели задницей, пока Брюстер не начал орать.

Брюстер уже вызывал по рации артиллерийского наблюдателя и диктовал координаты квадрата. Через пятнадцать минут над головами зашуршало. Звук шел плотный, басовитый - со стороны базы заухали 105-миллиметровые гаубицы. Снаряды рвались в трехстах метрах впереди, в самой гуще леса. От взрывов закладывало уши, а по джунглям пополз тяжелый, приторный запах тротила и горелой земли.

Проверка квадрата после налета ничего не дала. Взвод нашел только свежие воронки, вывернутые с корнем дерева и горсть мертвых птиц. Ни тел, ни брошенного оружия, ни единой капли крови на листьях. Гуки просто растворились в зеленке.

Все опять пошло наперекосяк.

На привале Дэниелс вскрыл банку сухого пайка. Достались свиная тушенка с фасолью. В коробку был вложен бумажный пакет с мелочевкой: спички, четыре листка тонкой бумаги для записей, жвачка, таблетки для очистки воды и четыре сигареты «Честерфилд» в мягкой пачке. Сигареты отсырели. Джек чиркнул спичкой, затянулся. Бумага горела неровно, тлела с одного бока, но дым шел, и ладно.

Рядовой Ломакс - пополнение, пришел три дня назад на место убитого Дженкинса - спросил:

- Сколько тебе до замены?

Дэниелс повернул голову. Ломаксу едва стукнуло девятнадцать. Из-под панамы торчали большие уши, веснушчатое

лицо обгорело на солнце.

- Шесть месяцев, - ответил Джек. - А тебе все двенадцать.
- А побыстрее никак?
- Никак.
- А если зацепит?
- Тогда досрочно.

Ломакс кивнул и уставился в заросли. Старики в сторону кустов не глядели. В густых ветках постоянно что-то шевелилось - листья, тени, блики солнца. Через час такой слежки в глазах начинало рябить, и настоящую опасность можно было легко зевнуть. Опытные парни смотрели под ноги, на грязь. Земля не обманет: если там остался след, то это след, и ничто другое.

Дэниелс прижал огонек к подошве ботинка, смахнул нагар и спрятал бычок в карман подсумка. Оставлять мусор в зеленке нельзя. Вьетнамцы по окуркам читали патрули как открытую книгу: сколько человек прошло, что курили, сколько часов назад здесь сидели. Жестянки, обрывки бумаги, стреляные гильзы - всё шло в дело. Враг собирал эти объедки, и у него складывалась точная картина. Поэтому весь хлам тащили на себе. Пустые банки и коробки летели обратно в вещмешок. С каждым днем рюкзак становился только тяжелее: жратвы убавлялось, а мусора прибавлялось, но бросить было нельзя.

Вжарили по взводу в полчетвертого дня.

Парни как раз перли по склону. Подъем пологий, но кусты

разрослись так плотно, что головной дозор прорубал дорогу тесаками. Рамирес, Райт, О'Брайен и Ломакс шли метрах в пяти впереди остальных. Склон упирался в гребень, за которым чернел спуск в лощину.

Первый выстрел хлопнул сверху. Следом рубанула длинная очередь, и тут же затрещало с другой стороны.

Джунгли захлебнулись сплошным гулом. Выстрелы и крики слились в один бесконечный грохот. Дэниелс рухнул в грязь быстрее, чем успел испугаться - за шесть месяцев тело выучило этот рефлекс назубок. Земля под пузом была мокрой и теплой. Джек вжимался в нее, размазывая по лицу прелые листья, гнилую кору и муравьев.

- Контакт! Контакт на гребне! - сорвался на визг Брюстер.

Справа забасил пулемет М60. Питерсон лупил тяжелыми, размеренными очередями, похожими на стук метронома. Его огонь - единственное, что можно было разобрать в общем шуме.

Дэниелс вскинул винтовку и вслепую разрядил полмагазина в зеленую стену впереди. Ствол смотрел в сплошные заросли, пули уходили в пустоту. Он загнал новый магазин, выстрелил еще несколько раз. Рядом упал Санчес, притерся спиной к толстому стволу и вскинул М16.

- Вижу! - заорал Санчес, перекрикивая пальбу. - На два часа, в кроне! Ебанные гуки! Мария, мамочка, спаси...

Джек повернул голову. Метрах в пяти над землей, прямо в густой листве дерева, мелькнул темный силуэт. Дэни-

елс трижды нажал на спуск. Фигура дернулась, но не упала, а осталась болтаться на ветках. То ли привязали себя там, то ли зацепилась одеждой. Через секунду тело сползло ниже и скрылось в бамбуке.

Мины прилетели через минуту. Сначала одна, следом три, а потом пошла сплошная серия. Свист, короткая тишина - и глухой разрыв. В эту секунду между свистом и ударом время будто замерзало. Каждый раз, когда над головой начинало выть, у Джека все переворачивалось внутри. Любой кусок раскаленного металла мог за микросекунду закончить эту войну прямо здесь, в этой жиже.

У Питерсона замолчал пулемет - кончилась лента. Санчес с матерком вколачивал чистый магазин. Брюстер хрипел в гарнитуру рации, пытаясь надиктовать координаты, но его голос тонул в грохоте разрывов. Хендерсон пытался повторять за ним, но артиллерия базы молчала. Взвод прижали слишком близко к позициям вьетнамцев, и свои снаряды перемололи бы роту вместе с гуками.

Перестрелка закончилась через двенадцать минут. Стрельба с той стороны стала реже, а потом и вовсе сошла на нет. Гуки ушли в зеленку. Они всегда растворялись в лесу, когда сами того хотели. Американцы всякий раз опаздывали на шаг.

Рамирес поймал 7,62 в голову. Ломакс словил две пули в грудь и одну в живот. Новенький затих не сразу. Джек стоял на коленях в жиже и держал его за руку. Ломакс смотрел ку-

да-то сквозь кроны деревьев, туда, где за ветками пряталось небо. Его губы шевелились, изо рта шло тихое хрипение, но слов было не разобрать. Дэниелс просто держал его ладонь, пока она не стала остывать. Только тогда он разжал пальцы и поднялся.

Райту осколком мины располосовало бедро. О'Брайен получил пулю в плечо. Брюстеру мазнуло по руке, он сам перетянул кисть бинтом и теперь молча отдавал команды.

Лейтенант вызвал по рации «медевак». Вертолет шел долго. Минут через сорок над лесом захлопали лопасти, и зеленый «Хьюи» с красными крестами завис над пятачком, который парни наспех расчистили тесачами. Раненых загрузили в десантный отсек. Двоих убитых пришлось оставить на земле - вертушка спешила уйти из опасной зоны. Рамиреса и Ломакса замотали в прорезиненные пончо и стянули углы стропами, чтобы забрать следующим рейсом.

Ни одного трупа вьетнамцев на склоне не нашли. Ни оружия, ни раненых - только стреляные гильзы от калашей да следы резиновых сандалий, уходящие на восток. В кустах валялся распоротый рюкзак Рамиреса, из которого вывалились жестянки с пайком.

Хуан Санчес сидел на корточках у края воронки и невидящим взглядом смотрел на разбросанные консервы. Его колотило.

- Джек... Они же его прямо при мне. Ломакса этого. Он же пацан совсем, - Санчес размазал грязь по щекам, голос его

сорвался на шепот. - Я не хочу здесь подохнуть, слышишь? Мне к Марии надо. Она ждет. Я обещал ей, Джек...

Дэниелс молча достал из подсумка отсыревшую сигарету, сунул в рот и чиркнул спичкой. Какое-то время он смотрел на Санчеса сквозь сизый дым, а потом негромко произнес:

- Копай окоп, Хуан. Скоро стемнеет. Если не выроешь до темноты, Мария получит бумажку со звездой. Копай, кому говорю.

К вечеру взвод окопался на ночлег. Парни до мозолей стирали ладони саперными лопатками, выкидывая сырую глину на бруствер. Брюстер при свете замаскированного фонарика составлял рапорт для штаба батальона: «Столкновение с противником численностью до взвода. Потери: двое убитых, двое раненых. Потери противника: ноль».

Этой ночью Дэниелс не спал. В джунглях можно было научиться спать в любой жиже, но он просто не хотел. Закроешь глаза - и мозг начнет крутить то, что случилось днем. Снова вылезет Ломакс с его разинутым ртом и остывающей ладонью. Опять замаячит Рамирес, который одинаково молчал что живой, что мертвый. И засада вернется во всех красках, со сплошным грохотом и гнилыми листьями на губах.

Вместо сна Джек просто лежал на дне окопа.

В Энтерпрайзе, штат Алабама, его мать каждое воскресенье ходила в белую дощатую церковь. На стенах там висели картонные веера, а прихожане пели по псалтырям в потрепанных желтых переплетах. Местный проповедник, брат

Тернер - сутулый длинный мужик с утробным басом - любил толкать речи про дьявола. Он объяснял, что зло само по себе не существует. Мол, это просто нехватка добра, как темнота - всего лишь отсутствие света. Пустое место, дыра в божьем замысле.

Джек ворочался в липкой красной глине Плейку и думал, что брат Тернер ни хрена не понимал.

Зло - это не пустая дыра. Это отлаженная машина, в которой девятнадцатилетний пацан вроде Ломакса подышает в грязи, вцепившись в руку незнакомца. И ни один человек в мире, ни Пентагон, ни сам Господь Бог не скажут, ради чего все это было. Не потому, что объяснение слишком сложное, а потому, что его вообще нет в природе. Оно отсутствует. Прямо как та круглая цифра в графе «потери противника».

В башке крутилась одна душная мысль за другой. Джек принялся перебирать причины и следствия, как его учили на курсах подготовки. Ты прешь по джунглям с тридцатифунтовым вещмешком, чтобы найти гуков. Находишь гуков, чтобы их перещелкать. Щелкаешь их, чтобы защитить свою страну. Защищаешь страну, потому что там твоя семья. А семья живет спокойно, пока ты здесь воюешь.

В этой цепочке явно сидел какой-то сбой. Сама по себе схема выглядела гладко, но работала она только в головах у штабных. В реальном лесу - среди мокрого бамбука и глиняной жижи - никаких цепочек не существовало. Было только: ты идешь, ты жмешь на спуск, кто-то падает замертво. И ни-

какого связующего «потому что».

Ломакс словил пули не потому, что Джек где-то сглупил. И не потому, что вьетнамец за гребнем ненавидел парня из Огайо. Ломакс умер только потому, что кусок свинца калибра 7,62 влетел ему в грудину со скоростью семьсот метров в секунду и порвал аорту к чертям собачьим. Вот и вся правда. В ней не было ни политики, ни религии, ни правых, ни виноватых. Чистая баллистика.

Вдруг с соседней позиции послышался шорох. Хуан Санчес осторожно приподнял голову над бруствером, всматриваясь в темноту, а потом тихо, едва слышно позвал:

- Джек... Эй, Джек, ты как? Спишь?

Дэниелс даже не пошевелился. Он лежал, уставившись в черный силуэт кроны над головой, и молчал.

- Джек, с ума можно сойти в этой темноте, - прошептал Санчес, прижимая к груди винтовку. - Я Марию вспоминаю. Как мы в Эль-Пасо по вечерам на веранде сидели, и сверчки трещали. Думаешь, выберемся мы отсюда? А, Джек? Скажи хоть что-нибудь, мать твою...

- Спи, Санчес, - глухо бросил Дэниелс, не поворачивая лица. - Завтра опять мачете махать. Спи.

Хуан вздохнул, завозился в своем окопе и затих.

Джек попробовал вспомнить слова «Отче наш», которые заставляли учить в детстве, но строчки рассыпались. Звуки оставались звуками, а смысл из них испарился, как вода на раскаленном стволе пулемета. Слова больше ничего не зна-

чили.

Утром пятнадцатого июня взвод погнали на восток, к дороге. Там должны были перехватить колонну снабжения. Для парней это значило нормальную горячую еду, сухую одежду, сигареты и весточку из дома. А главное - хоть один день без мачете, грязи и ежеминутного ожидания пули в спину. Все об этом знали, но никто не улыбался.

Дэниелс шел в цепочке рядом с Санчесом. Хуану было двадцать два, до призыва он крутил гайки и заливал бензин на заправке в Эль-Пасо. На шее у него болтался маленький серебряный крестик на тонкой цепочке - подарок матери. От пота и постоянной сырости металл совсем позеленел.

- Ты в Бога веришь? - спросил Джек, не глядя на него.

Санчес долго молчал, перешагивая через вылезший из грязи корень.

- Раньше верил, - глухо сказал он.

- А сейчас?

- А сейчас хрен поймешь. Пусто как-то. Понимаешь, Джек, не то чтобы я стал атеистом каким. Просто раньше как будто дверь была, а теперь на ее месте сплошная стена. И ты стоишь перед ней дурак дураком.

Санчес поправил лямку вещмешка, вытер лоб грязным рукавом и добавил чуть тише:

- Мне бы только до Эль-Пасо добраться. К Марии. Я как про нее вспоминаю, так кажется, что стена эта двигается. Ладно, шевели задницей, Джек, а то отстанем.

Дэниелс ничего не ответил. Он просто пошел дальше, глядя под ноги на растоптанную сапогами глину.

К дороге вышли к полудню. Колонна снабжения уже торчала на раскисшей грунтовке - три тяжелых грузовика и джип. Солдаты из тылового обеспечения всю потрошили ящики. На траву летели коробки с сухпайками, канистры с водой и серые цинки с патронами.

Дэниелсу протянули конверт. Письмо от матери, первое за три недели. Мать писала про дожди в Энтерпрайзе, про их старого пса, который опять изгрыз доски на веранде, и про миссис Холл, похоронившую мужа. В конце размашистым почерком стояло: «Молюсь за тебя каждый вечер, сынок. Господь тебя убережет. Приедешь домой - испеку твой любимый пирог с пеканом».

Джек сложил листок, спрятал в пластиковый пакет и застегнул нагрудный карман. Дома эти строчки что-то весили. Но между Алабамой и Плейку лежала пропасть. В Энтерпрайзе работали понятия вроде «молитвы» или «пирога». Здесь, в грязи, они превратились в мертвые монеты несуществующей страны. Их ни на что нельзя было обменять - просто куски никчемного металла, которые зря занимали карман.

Санчес привалился спиной к колесу грузовика, бережно держа в руках пачку писем, перевязанную бечевкой. Он жадно вчитывался в ровные строчки, и его лицо на миг разгладилось.

- Джек, прикинь, Мария шторы новые на кухню повесила. Зеленые, с рюшами. Пишет, что дом без меня совсем опустел, - Хуан шмыгнул носом и улыбнулся, глядя куда-то сквозь грузовики. - Она ждет, Джек. Свечи в церкви за меня ставит. Скоро приеду и сам эти чертовы шторы увижу.

Дэниелс вытащил огрызок карандаша и чистый бланк.

- Рад за тебя, Санчес. Моя вон тоже пироги обещает.

Джек не знал, что писать в ответ. Точнее, рука сама вывела дежурные строчки: «Дорогая мама, у меня все нормально. Скоро буду дома. Целую». Текст выглядел ровно и аккуратно. Вот только внутри этих букв ничего не было. Он заклеил конверт и швырнул его в сумку почтарю. Письмо закинут в кузов, увезут на аэродром, и оно полетит через океан, в Алабаму. Мать вскрыет бумагу и поверит, потому что там, дома, слова «все нормально» еще имели свой прежний, довоенный вес.

Вечером, на привале у дороги, Дэниелс сидел на пустом ящике из-под патронов. Из-за вечной сырости, дыма от выжигания зеленки и пыли от грузовиков небо над горизонтом налилось багровым. Облака застыли тяжелыми хребтами.

Джек достал «Честерфилд» - последний из сегодняшней пачки. Затянулся. Посмотрел на затухающий горизонт, прижал тлеющий фильтр к подошве и сунул бычок в карман под сумку. Вьетнамцы не должны были найти после взвода даже обгоревшей бумаги. Парни тащили с собой всё: пустые жестянки, обертки от сухпайков, стреляные гильзы.

Рамиреса и Ломакса вертушка забрала еще утром. Зеленый «Хьюи» заложил вираж над просекой, завис на секунду, и бортстрелок помог затащить внутрь два длинных прорезиненных мешка. На каждом болталась картонная бирка в целлофане с именем, выведенным шариковой ручкой. Рамирес, Хуан А. Ломакс, Уильям Т. Две фамилии. И по-прежнему круглый ноль в графе потерь противника.

Санчес подошел сзади, тяжело опустился на траву рядом и устался на свои грязные ботинки. Он долго крутил в пальцах серебряный крестик, а потом негромко произнес:

- Забрали парней. Хотя дома похоронят, по-человечески. Не сгниют в этой глухомани. Моя Мария... она всегда говорит, что у каждого должно быть свое место на кладбище, рядом с родными. Чтобы прийти можно было, цветы оставить.

Джек пустил изо рта тонкую струйку дыма и даже не повернулся.

- Им уже плевать, Санчес. На цветы, на мешки, на всё. Копать под себя надо было лучше, вот и вся их память.

Хуан покачал головой, пряча крестик под грязную форму.

- Не говори так, Джек. Нельзя так. Мы же люди, мать твою, а не бревна.

Дэниелс промолчал. Он проводил взглядом вертолет, пока тот не превратился в темную точку на фоне багровых туч.

Послышался сухой щелчок затвора - лейтенант Брюстер проверял винтовку. Его очки в роговой оправе снова покрылись мелкими каплями пота, забинтованная кисть висела на

ремне через шею. Офицер хрипло скомандовал строиться. Остатки роты «Чарли» - чуть больше двадцати выживших парней - закинули на плечи потяжелевшие вещмешки.

Впереди снова темнела стена леса. Там, в глубине зарослей, сидел враг, который точно знал, зачем он пришел на эту войну.

Дэниелс поправил ремень M16 на плече, затянул поясной ремень с подсумками и шагнул в бамбуковые заросли вслед за Санчесом. Сапоги привычно чавкали по раскисшей глине, отсчитывая шаг за шагом. Ему было всё равно. Какая разница, куда идти, если его собственное имя теперь весило не больше, чем название дешевого бурбона на порванной этикетке. Джек просто переставлял ноги и шел дальше.

Глава 2: Дружественный огонь

Восемнадцатое июня. Второй взвод роты «Чарли» наконец притащился на базу огневой поддержки.

База «Фёрст-Кав» торчала на голом раскисшем холме в семнадцати километрах от камбоджийской границы. Из укреплений здесь были шесть гаубиц-стопятков, пара дзотов из мешков с песком да три кольца колючей проволоки «колючки» по периметру. На склонах артиллеристы натывали мин, а пехота вырыла окопы для обороны. Название базе дали не из-за кавалерии, а в честь первого батальона. Командовал тут артиллерийский капитан с обгоревшим до багрового цвета лицом. Он без вылазно сидел в командном блиндаже и наводил орудия по радиации, когда роты в джунглях просили

огня. Пехотинцы его не переваривали. Капитан спал на сухой койке, жрал горячее из котла и потел разве что от жары.

Взвод дошел до позиций к полудню, после трех дней в зеленке. Из двадцати трех человек шестеро были абсолютными салагами - их привезли на замену из Дакто, пока остальные мокли в лесу. Новички толпились у грузовика и во все глаза лупились на вернувшихся. Дэниелс сразу узнал эти физиономии: пацаны изо всех сил пытались казаться тертыми калачами, но уши у них подрагивали, а пальцы судорожно тискали ремни новеньких винтовок. Они уже сообразили, что через пару дней их погонят в те же заросли.

Передышка означала сорок восемь часов без патрулей. Можно было сбросить вещмешок, расстегнуть наглухо пропотевший ворот и спать прямо в блиндаже, а не лицом в боковую жижу на засаде. Кок, сержант Кэш, притащил на прицепе полевую кухню и даже умудрился не сжечь обед. Повезло - на базу привезли нормальный бак с рисом и жирной свиной вместо консервов, а в алюминиевом термосе дымился растворимый кофе, приторно сладкий от сгущенки. Если со снабжением повезет, к вечеру обещали выдать еще по две банки теплого пива на брата.

Парни угрюмо выстроились с котелками. Дэниелс встал в хвост очереди. Напряжение уходило из тела неохотно, по капле. Сначала обмякли натертые ремнями плечи, потом перестала ныть поясница. Джек поймал себя на том, что у него до судороги свело челюсть - в джунглях он постоянно стис-

кивал зубы и заметил это только сейчас, когда мышцы наконец расслабились.

Хуан Санчес уселся прямо на пустой ящик из-под снарядов, жадно набивая рот переваренным рисом. На мгновение он замер, проглотил кусок и толкнул Джека локтем в колено.

- Слышь, Джек... Настоящая жратва. Не эти гребаные бобы из банки. Мария мне как-то готовила рис с фасолью и свиными ребрышками, пальчики оближешь. Господи, да я готов сейчас всю эту кастрюлю в один хавальник сожрать, лишь бы этот вкус во рту остался.

Дэниелс молча ковырнул ложкой в своей миске.

- Жри давай, Санчес. Меньше трепись - больше достанется.

Джек ел стоя, механически двигая челюстью. Жир застыл на губах, рис разваливался в кашу, но еда была горячей. Дэниелс просто жевал и ни о чем не думал. Вовремя выключать мозги он тоже научился.

После обеда занялись бытом.

Вся рота разделась до трусов. Парни облепили ржавые бочки из-под горючего, до краев налитые дождевой водой, и принялись отмывать куртки и штаны. Армейское мыло - твердые зеленые бруски без запаха из картонных коробок - в холодной воде почти не мылилось. Приходилось просто тереть ткань изо всех сил, выжимать и вешать на натянутые между кольями веревки. Из-за стопроцентной влажности форма через час оставалась такой же мокрой, но с нее

хотя бы сошел слой заскорузлого пота и въевшейся жидкой грязи.

Дэниелс развесил вещи и уселся на деревянный ящик изпод 105-миллиметровых фугасов. Он достал тупую иголку с суровой ниткой из сухпайного швейного набора и принялся латать брезентовый подсумок. Хлопковая амуниция образца пятьдесят шестого года в джунглях гнила на ура. У этого подсумка совсем расползся шов на дне, так что магазины вываливались в грязь. Джек проталкивал иглу сквозь жесткую ткань, затягивал края и срезал узлы. Стежок, узел, дыра закрылась.

Рядом Санчес чистил винтовку. Он раскидал М16 на чистой ветоши - затворная рама, возвратная пружина, затвор и пустой магазин. Ствол Хуан драил бронзовым ершиком, обильно смоченным оружейной смазкой, которая едко воняла химией и машинным маслом. Винтовка требовала постоянного ухода. Пороховые газы быстро забивали механизм черным нагаром, и если запустить оружие, то через несколько сотен выстрелов затвор намертво заклинивало в переднем положении. Летом шестьдесят седьмого про это всю писали в газете «Старз энд Страйпс», да и парни из других рот плевались, что М16 подводит в самый разгар боя. Штабные твердили, что надо лучше чистить. Пехота в ответ материлась: чисти не чисти, а эта пластиковая игрушка все равно подведет в самый неподходящий момент, и платить за это придется кровью.

- Хендерсон, - окликнул Санчес радиста. - Кинь свой ершик для патронника.

Хендерсон сидел на бревнах у палатки и возился со своей PRC-25. Рация вместе с батареей весила под одиннадцать кило. Хендерсон таскал эту дуру на спине каждый выход. Длинная антенна торчала над его головой как удочка, и во взводе вечно зубоскалили, что гуки вычислят радиста по этому шпилю. Но антенну он не снимал, без нее взвод остался бы глухим и отрезанным от поддержки артиллерии и вертушек. Хендерсон бережно протирал корпус тряпкой и аккуратно вычищал контакты маленькой отверткой.

- Ершик у Ломакса остался, - тихо буркнул Хендерсон, не поднимая глаз.

Санчес замер с затвором в руке. Разговор оборвался. Ломакс остался лежать в зеленке, его вещи улетели в мешке, и ершика тоже больше не было. На пятачке у бочек стало тихо.

- На, держи мой, - Дэниелс вытащил из кармана мелкую щетку и протянул Хуану.

Санчес молча взял инструмент и снова принялся яростно тереть металл. Остальные тоже вернулись к своим делам. Гул базы никуда не делся, но между парнями теперь висело тяжелое молчание.

Вечером выдали пиво.

По две банки теплого «Баллантайна» на брата. Жестянки открывали штык-ножами или консервными ключами Р-38, теплая пена сразу текла по пальцам. Джек сделал глоток, за-

тянулся сигаретой и уставился на транзисторный приемник Питерсона. Из динамика пробивалась трансляция армейской радиостанции из Плейку. Ведущий бодро крутил хиты Jefferson Airplane, Ареты Франклин и The Lovin' Spoonful. Звук шел плоский и хриплый, но это была музыка из Штатов.

Дэниелс сидел на бруствере и смотрел, как солнце заваливается за колючую проволоку. За периметром сразу начались минные поля, а дальше - сплошная стена леса до самой камбоджийской границы. Небо опять налилось багровым. Точно такой же закат Джек видел в джунглях четыре дня назад, сразу после того, как обгорели пончо на телах Рамиреса и Ломакса.

Санчес пристроился рядом, грея пальцы о теплую жестянку. Глотнул пива, сплюнул в пыль и глухо проговорил:

- Дерьмо, а не выпивка. Теплое, как ослиная моча. В Техасе мы с парнями после смены брали ледяной «Лонгхорн» из холодильника на заправке. Мария к нашему приходу всегда доставала из погреба соленые огурцы с чесноком... Слушай, Джек, а салаги-то совсем притихли. Смотрят на нас, как на покойников.

Джек стряхнул пепел в глину.

- Обычное пиво, Санчес. Пей что дают. Завтра и этого не будет.

Новички и правда кучковались в стороне от остальных. Дэниелс запомнил только одного - белобрысого восемнадцатилетнего пацана по имени Трэвис Коул из Айовы. У него

были тонкие запястья и слишком чистая форма. Утром этот Коул подошел к Джеку у грузовика и, преданно заглядывая в глаза, выдал:

- Рядовой Дэниелс, я готов к делу. Хочу воевать за свою страну, делать то, что правильно.

Джек тогда промолчал и просто прошел мимо. Красивые слова про долг и правильные поступки остались там, за океаном, в алабамских церквях. На базе «Фёрст-Кав» они ничего не стоили, но Коул об этом еще не догадывался.

Дэниелс допил пиво, швырнул пустую банку в кучу хлама под ногами и полез в карман за очередной отсыревшей сигаретой. Ему не хотелось ничего объяснять пацану из Айовы. Впереди снова были джунгли, и этого знания Джеку вполне хватало.

Ночь. Отбой объявили в пол-одиннадцатого.

На охрану периметра выставили три поста: северный, восточный и южный. На каждом дежурили по два человека со сменой каждые два часа. Из снаряжения часовым выдавали обычные бинокли - никаких приборов ночного видения пехоте в шестьдесят седьмом еще не полагалось. Зато перед окопами на треногах стояли противопехотные мины «Клеймор» с выпуклой надписью «Этой стороной к врагу». На станке лежал пулемет М60, а между кольями была натянута тонкая проволока с сигнальными ракетами. Если кто-то цеплял растяжку, ракета вспыхивала багровым светом. На три секунды все вокруг становилось видно как днем. Три се-

кунды, чтобы заметить силуэт в кустах и открыть огонь.

Трэвис Коул караулил на восточном посту с полуночи до двух. Вместе с ним дежурил Беккет - тоже из пополнения, но постарше, двадцати одного года, усатый парень из Нью-Мексико с тесаком на ремне. Беккет замер у бруствера и тихо вел стволом винтовки по темноте. Коул то и дело дергал головой, озираясь по сторонам и сжимал рукоятку своей M16 до белых костяшек.

- Расслабься, - шепнул Беккет. - Сюда никто не полезет. На склоне все заминировано.

Коул кивнул. На инструктаже саперы показывали прыгающие мины. Такая штука вылетала из земли на полметра, взрывалась в воздухе и косила осколками всё в радиусе пятнадцати метров. Если на нее натыкался бродячий койот, грохот стоял на всю базу. От взрыва подрывались часовые, а расчеты гаубиц бросались к орудиям. Но в темноте к проволоке мог ползти и вражеский сапер с кусачками. Сигнальная ракета давала ровно три секунды, чтобы отличить дикого зверя от человека и успеть нажать на спуск.

Время тянулось медленно. Из темноты пер плотный стрекот цикад, кричали ночные птицы, а ветер шелестел листвой в кронах. Днем этот гул леса почти не замечался, но сейчас, когда в паре шагов от бруствера стояла сплошная черная стена, он глушил все остальные звуки.

Дэниелс сидел на дне соседнего окопа, затягиваясь припританной сигаретой в кулак, чтобы не демаскировать пози-

цию. Санчес рядом крутил в руках обручальное кольцо, глядя на темное небо.

- Дома сейчас Мария, небось, спит уже... - едва слышно пробормотал Хуан. - Там тихо. Никаких тебе цикад, никаких гребаных мин. Джек, как думаешь, эти салаги на посту не обосрут, если полезут?

Дэниелс сплюнул табачную крошку на глиняный пол.

- Беккет нормальный, высидит. А вот Коул дергается много. Такие паникеры первыми пулю и ловят. Ладно, заткнись, Санчес. Слушай джунгли.

В полпервого ночи из своего окопа выбрался Хендерсон. Он побрел в сторону отхожего места - глубокой траншеи в десяти метрах позади позиций, накрытой сверху дырявым пончо. Из удобств там был только рулон туалетной бумаги, спрятанный от сырости в пустую консервную банку. Шататься по лагерю в темноте строго запрещалось, но Хендерсон шел в одних трусах и ботинках. Винтовку он с собой не взял - зачем тащить лишний вес, если до латрины идти всего ничего. В роте все так делали.

Коул слышал шорох.

Звук шел из глубины лагеря, со спины. Кто-то пробирался сквозь мокрую траву у палаток. Хендерсон шел босиком - скинул ботинки у латрины. Шаги выходили мягкими, но в радисте было почти девяносто кило веса. Земля под его ногами глухо ухала, и в ночной тишине этот треск казался оглушительным.

Коул вздрогнул. Сердце бешено заколотило в ушах. Впереди стояла черная стена леса, а шаги раздавались сзади. Сзади должны были сидеть свои, но в темноте это мало что гарантировало. Растяжки с сигнальными ракетами караулили только внешний периметр, а внутри базы было хоть глаз выколи. Коулу показалось, что у него не осталось времени на раздумья.

- Стой! - придушенно, по-детски взвизгнул Коул. - Стой, стрелять буду!

Хендерсон замер. Он признал голос салаги и уже открыл рот, чтобы прикрикнуть: «Свой, Хендерсон это, из сортира иду». Но успел только набрать в легкие воздуха.

Коул нажал на спусковой крючок.

Винтовка стояла на автоматическом режиме, но парень от испуга дернул палец всего раз. Пуля калибра 5,56 влетела Хендерсону прямо в живот, пониже ребер. На скорости в девятьсот метров в секунду легкий патрон при попадании в тело сразу начал кувыркаться. Свинец разворотил селезенку и выдрал сзади кусок мяса размером с кулак.

Радист даже не закричал. Из его горла вырвался короткий, мокрый хрип, с каким роняют на доски тяжелую половую тряпку. Тело грузно рухнуло в заросли. Трава зашуршала и притихла. Через секунду на базе стало совсем глухо.

Коул так и замер у бруствера. Палец по-прежнему давил на спуск, ствол M16 смотрел в землю.

Из соседнего окопа выскочил Дэниелс. На ходу застегивая

ремень, он бросился к месту падения, наткнулся на распростертого в трусах Хендерсона и упал рядом на колени. Руки сразу по локоть ушли во что-то липкое и горячее.

- Санитара сюда! Живо! - гаркнул Джек на всю базу, пытаясь зажать ладонями развороченную спину радиста. - Санчес, тащи дока! Хендерсона зацепило!

Хуан уже бежал следом, спотыкаясь в темноте о колышки палаток.

- Матерь божья... Хенди, браток, держись, - Санчес тяжело задышал, хватая раненого за плечо. - Док сейчас придет. Джек, у него ж там... господи, кровища-то сколько. Мария, спаси нас грешных...

Беккет на посту с размаху врезал Коулу по лицу - наотмашь, просто от ужаса и чтобы привести паникера в чувство. Салага отлетел в грязь. Беккет вырвал у него из рук винтовку, тяжело дыша над упавшим парнем. Лагерь окончательно проснулся, со всех сторон к восточному сектору уже бежали люди со сдвоенными фонариками.

Санитар взвода - рядовой первого класса Фолзи, шустрый мелкий парень из Чикаго - примчался к латрине через полминуты. С плеча у него свисала медицинская сумка: пара индивидуальных перевязочных пакетов, шприц-тюбик с морфином, жгут, ножницы и флакон йода. Толку от этого барахла сейчас было мало.

Хендерсон лежал в траве на спине, тяжело и прерывисто дыша. Живот радиста превратился в кровавое месиво. Фол-

зи уже видел такие ранения в полевых условиях. Из дыры в теле шел приторный железный запах, наружу лезло что-то теплое и скользкое, а лицо раненого стремительно серело. Вытащить человека с разорванным брюхом посреди джунглей было почти невозможно.

Хендерсон еще не отрубился. Он во все глаза смотрел на санитаря. Боли радист пока не чувствовал - шок глушил рецепторы, но во взгляде читалось глухое недоумение. Человек просто шел по нужде в трусах и поймал пулю от своего же сослуживца.

- Лежи, Хенди, лежи спокойно, - Фолзи зашептал заплетающимся языком, разорвав зубами зубастый пластик пакета.

Он прижал марлевый тампон к ране. Ткань мгновенно потемнела от хлынувшей венозной крови. Фолзи наложил сверху второй пакет, навалился на него всем весом. Напор не спадал. Разорванная селезенка сочилась как открытый водопроводный кран, и никакой жгут здесь было не пристроить. Санитар давил на рану изо всех сил, но пальцы просто утопали в липкой жиже.

Джек Дэниелс сидел рядом на корточках, не отрывая взгляда от бледнеющих губ радиста. Хуан Санчес закрыл лицо ладонями и мелко крестился, шепча что-то на испанском.

Хендерсон шевельнул губами:

- Письма...

Фолзи наклонился ниже, едва не коснувшись ухом его лица:

- Чего? Хенди, повтори.

- Письма в сумке, - прохрипел радист, изо рта у него потекла темная струйка. - Жене... Напиши ей.

Джек хмуро сплюнул под ноги и глухо бросил санитару:

- Давай морфин, Фолзи. Чего ты ждешь? Ему же больно сейчас будет. Всаживай давай!

Санитар молча достал шприц-тюбик, сорвал колпачок и вогнал иглу Хендерсону в бедро. Через четыре минуты радист затих и потерял сознание. Еще через четыре - перестал дышать.

Фолзи сидел в грязи, продолжая держать парня за липкое запястье и выискивая пальцами пульс. Когда под кожей окончательно воцарилась тишина, он выругался, сдернул окровавленные резиновые перчатки и швырнул их в траву.

Санитар поднялся и побрел к Брюстеру. Лейтенант стоял чуть поодаль, тупо уставившись на забинтованную в прошлых боях кисть.

- Лейтенант, Хендерсон всё, - доложил Фолзи.

Брюстер медленно кивнул. Очки его запотели от сырости, но он даже не подумал их протереть. Офицер развернулся и молча пошел к своему блиндажу.

Утром девятнадцатого июня Дэниелс сидел на корточках возле носилок с Хендерсоном. Тело накрыли прорезиненным пончо, стянув края веревкой. Эвакуационный «Хьюи» обещали прислать к девяти часам, а пока оставалось только

ждать. Обычная армейская тягомотина: ждешь вертушку за трупом точно так же, как стоишь в очереди за утренним кофе.

Смотреть на зеленую ткань, под которой лежал вчерашний сослуживец, толку не было. Джеку стоило бы уйти к палатке, но ноги словно налились свинцом и не двигались. Бывалый организм требовал тупо сидеть на месте и ни о чем не думать.

Санчес подошел тихо, опустился рядом в грязь. Просидел молча минуты три, уставившись на носилки, прежде чем спросить:

- Кто?

- Коул, - ответил Джек.

- Белобрысый этот, из пополнения?

- Он самый.

Хуан шумно выдохнул сквозь зубы.

- Он что, даже не крикнул «стой»?

- Крикнул. Хенди остановился, рот открыл, а ответить не успел. Пацан с испугу спуск и нажал.

Санчес вытащил из-под куртки свой позеленевший серебряный крестик, покрутил в пальцах и спрятал обратно.

- Я вчера Марии написать хотел, - негромко заговорил Хуан, глядя на свои сбитые сапоги. - В Эль-Пасо. И поленился, спать лег. Теперь вот думаю: а ну как меня ночью Коул этот на мушку взял бы? Мария бы вчерашнего письма уже не дождалась. И никогда бы не узнала, что я перед смертью

только о ней и думал. Принесли бы ей эту гребаную бумажку из Пентагона со словами «примите соболезнования», и всё. Пиздец. Как будто и не было меня никогда.

Дэниелс молчал, разглядывая складки на пончо.

- А Хенди строчил каждый божий день, - Санчес шмыгнул носом. - Сорок четыре письма в мешке скопилось.

- Сорок три, - хмуро бросил Джек.

- Сорок четыре, - упрямо буркнул Хуан. - Он вчера перед самым отбоем у рации сидел, я сам видел, как он листок в пакет упаковывал. Последнее, жене в Детройт.

Дэниелс вспомнил эту картину: здоровый черный парень аккуратно складывает тонкую бумагу своими огромными пальцами и прячет ее в рюкзак. Сорок четвертое.

Джек поднялся и поправил ремень на плече.

- Где его рюкзак?

Вещмешок Хендерсона стоял у его окопа - обычный армейский рюкзак на трубчатой раме, набитый сухпаем, чистым бельем и цинками. Дэниелс распустил завязки. Под сменной хэбэшкой лежал плотный пластиковый пакет. Сорок четыре конверта из тонкой бумаги. На каждом синей ручкой аккуратно выведен один и тот же адрес: «Миссис Дороти Хендерсон, Детройт, Мичиган, Макдугал-стрит, 4121». Хендерсон писал ровными, круглыми буквами. До армии он работал сортировщиком на почте, так что почерк у него остался разборчивый, почти чертежный.

Джек не собирался совать нос в чужие дела. Он просто хо-

тел вытащить пакет, чтобы передать писарю или капеллану. Но последнее, сорок четвертое письмо лежало сверху незаклеенным. Сложенный втрое листок выскользнул из конверта и упал на траву. Дэниелс поднял его, и бумага развернулась.

Глаза сами зацепились за строчки:

«Дороти, милая, сегодня вернулись на базу. Я живой, и это главное. Дома «все хорошо» - это одно, а тут - совсем другое. Здесь это значит просто, что тебя сегодня не прикопали. Но я дышу, думаю о тебе и представляю, как ты там спишь. Окна, небось, открыла, ты же не любишь духоту. Ветер шевелит занавеску... Хочу сейчас оказаться там, рядом с этой занавеской. Знаешь, я только здесь понял, что дом - это вообще всё. В нем весь смысл, а без него...»

Дальше Джек читать не стал. Он вернул листок на место, загнал конверт в пакет и завязал пластик. Руки не дрожали. На лице не дернулся ни один мускул. Внутри было глухо - ни злости, ни жалости, вообще ничего.

Хендерсон таскал эти письма на горбу через все болота вместе с тяжелой одиннадцатикилограммовой рацией. Заворачивал в целлофан, чтобы бумага не сгнила от ливней. Берег их, потому что верил: пока он пишет жене, между ними остается какая-то нить.

Но накрыл его не вьетнамский миномет. Не снайпер с дерева. В затылок ему прилетело от Коула - восемнадцатилетнего пацана из Айовы, который на инструктаже твердил, что

хочет поступать правильно. Коул просто обоссался от шагов в темноте и вlepил очередь в своего. В большого безоружного мужика, который шел в латрину в одних трусах.

На марше в зеленке все было проще. Там смерть шла по контуру: с той стороны сидел враг, с этой - свои. Если пуля прилетала из кустов, в этом была хоть какая-то логика войны. Врага можно было ненавидеть, по врагу можно было херачить из всех стволов, чтобы выжить.

А теперь вся эта схема летела к чертям. Паникер на посту караулил периметр, он защищал базу и нажал на спуск от страха перед гуками. Только гуков на холме не было, и защита за секунду превратилась в глупое, грязное убийство. Весь их армейский порядок - посты, секреты, мины и колючка - сработал против них самих. Санитар, писарь, капитан в бункере - теперь все они сидели внутри этой поломанной машины, где защитник и убийца стали одним и тем же человеком.

Санчес заглянул в палатку, шмыгнул носом и тихо спросил:

- Нашел пакет, Джек?

Дэниелс затянул лямки рюкзака Хендерсона и поднялся.

- Нашел. Пошли к Моррисону, пусть забирает.

В девять утра прилетел вертолет.

Зеленый «Хьюи» с красными крестами на бортах завис над площадкой и поднял тучу пыли. Медицинская вертушка радисту была уже без надобности. Двое бойцов подтащили носилки к раскрытым дверям десантного отсека. Борт-

механик перехватил раму, закрепил стропы и молча махнул пилоту. Носилки задвинули вглубь, к зеленым брезентовым мешкам. Вертолет набрал высоту, заложил вираж и ушел на юг. Хендерсона повезли по этапу: госпитальный морг в Дакто, цинковый ящик, аэродром Таншоннят, перевалочная база Трэвис в Штатах и, наконец, Детройт.

Дэниелс проводил «Хьюи» взглядом, пока тот не превратился в точку и не растаял в чистом синем небе.

Ближе к полудню на базу приехал батальонный капеллан, капитан Моррисон. Протестантский пастор из Оклахомы, сутулый, с седеющими висками, трясся два часа на джипе по разбитой грунтовке из Дакто ради этого короткого визита. Моррисон не принадлежал к породе тех штабных святош, которые с трибуны орут, будто Бог носит американскую форму. Он говорил тихо, а в его голосе сквозила глухая, тяжелая усталость. Это делало его слова хотя бы немного похожими на правду.

Капитан собрал взвод на пяточке между палатками. Парни стояли хмуро, не по уставу, уставившись под ноги.

- Я знал Джозефа, - Моррисон убрал руки за спину. - В апреле у него родилась дочка, Маргарет. Он присылал мне письмо, просил помолиться за девочку. Я не знал его близко, но он честно тянул лямку. Был хорошим парнем.

Дэниелс слушал пастора, лениво ковыряя носком сапога сухую глину. Хендерсон таскал рацию под огнем и драил контакты каждый вечер, как хирург протирает скальпели.

Он просто хорошо делал свою работу. Красивые слова капеллана про «хорошего солдата» казались лишними на этом голом холме.

Моррисон снял панаму и прикрыл глаза:

- Господи, прими душу раба Твоего Джозефа и даруй ему покой...

Слова молитвы плыли над позициями. Пастор не врал, он действительно переживал за убитого радиста, но его правильные строчки улетали в пустоту и никого здесь не грели. В мире, где девятнадцатилетний дурак всаживает пулю в живот своему товарищу, божьему слову просто не за что было зацепиться.

Капитан закончил, парни глухо буркнули «аминь» и начали расходиться. Санчес побрел к пулемету, Питерсон принялся набивать патронами рассыпанные ленты, а Брюстер скрылся в блиндаже дописывать рапорт.

Дэниелс подошел к капеллану и протянул пластиковый пакет.

- Это его, - сказал Джек. - Сорок четыре письма жене. Он их в целлофане берег, хотел все разом отправить, когда сме-на будет.

Моррисон взял пакет двумя руками, будто эти двести граммов тонкой бумаги весили больше, чем вся амуниция радиста.

- Я перешлю, сынок. Вместе с вещами отправлю.

- Телеграмму уже отбили? - спросил Джек.

- Лейтенант еще ночью отправил координаты и личные данные.

Дэниелс кивнул. Значит, в Детройте миссис Дороти Хендерсон скоро откроет казенный бланк из Пентагона. «Глубоко сожалеем... погиб в результате несчастного случая девятнадцатого июня». Несчастный случай. Как будто Хенди поскользнулся на мокрых досках в душе или его переехал грузовик в тылу. Но Хендерсона никто не переезжал. В него в упор засадил перепуганный салага из выданной государством винтовки.

В ту ночь вьетнамцы вообще не стреляли. Гуки сидели тихо в своих джунглях, за три или за тридцать километров отсюда, и к этой смерти не имели никакого отношения. И от этого становилось только паршивее. Когда по роте бьет чужой миномет, все укладывается в привычную схему войны. Есть «они» - враги за бруствером, и есть «мы». Смерть от вражеской пули понятна, к ней все готовы.

Но когда стреляет свой, вся эта штабная логика летит к чертям. Нет больше никаких «наших» и «чужих». Остаются только двое парней в трусах посреди темного лагеря и кусок свинца в медной оболочке. Пуля не читает армейский устав и не разбирается, кто перед ней. Она не знает слов «долг», «приказ» или «родине». Она просто летит со скоростью девятьсот метров в секунду и рвет живую плоть. Это была единственная честная вещь во всем Плейку, потому что пуля никогда не притворялась чем-то другим.

Хуан Санчес подошел к Джеку, когда капеллан уже усаживался в свой джип. Хуан долго тер лицо грязной ладонью, а потом тихо, сдавленно произнес:

- Джек... Слышь. Если со мной такая же херня случится... Ну, если свой подстрелит или мина какая дурная на базе прилетит. Ты Марии напиши, ладно? Не надо этой казенной бумаги про «несчастный случай». Напиши ей сам. Что я про нее помнил. Что я шторы эти зеленые представлял. Сделай доброе дело, брат.

Дэниелс поправил ремень винтовки на плече и хмуро посмотрел на дорогу, где джип пастора уже скрывался в облаке желтой пыли.

- Заткнись, Санчес. Иди вон, винтовку свою дочищай. Живой ты. Копай глубже, и никто тебя не пристрелит. Пошли.

Брюстер заполнял рапорт.

Его окоп находился в трех метрах от позиции Дэниелса. Лейтенант сидел на пустом ящике из-под снарядов, разложив казенные листы прямо на коленях, и медленно выводил строчки шариковой ручкой. Казенный бланк DA Form 285 - отчет о происшествии со смертельным исходом. В графе «Классификация» значились три варианта: несчастный случай, неумышленное ранение, небоевые потери.

Брюстер аккуратно вывел на бумаге: «В 00:35 рядовой Коул Т. М., находясь на посту восточного сектора, услышал движение в тыловой зоне. Окликнул нарушителя. Не полу-

чив ответа, произвел один выстрел, поразив рядового Хендерсона Дж. А., направлявшегося к отхожему месту. Рядовой Хендерсон скончался от сквозного ранения брюшной полости через восемь минут».

«Не получив ответа». Джек читал строки через плечо офицера, благо листы лежали открыто. Хендерсон ведь оставился. Он разомкнул губы. Возможно, даже выдавил первый слог, но пуля летит со скоростью девятьсот метров в секунду. С трех метров у радиста просто не было шансов договорить. Он ответил телом, тяжелым падением и предсмертным хрипом в траве. Только в армейский отчет такой ответ не вписывался.

Брюстер замер над бланком. Зачеркнул «несчастный случай», вывел поверх «неумышленное ранение». Подумал, выругался сквозь зубы и размашисто перечеркнул всю строчку. Лист был заляпан глиной и потом, а у самого края темнел мазок крови от порезанного пальца лейтенанта. Брюстер скомкал бумагу, швырнул ее под ноги и достал чистый бланк.

В новой форме в графе причин он твердо написал три буквы: «KIA». Убит в бою.

Дэниелс молча наблюдал за рукой офицера. Хендерсон, которого испуганный салага уложил в трусах возле палаток, теперь официально числился погибшим в сражении с врагом. Точно так же, как Рамирес или Ломакс.

- Лейтенант, - негромко позвал Джек.

Брюстер вскинул голову.

- Это же брехня.

Офицер посмотрел на Джека, затем перевел взгляд на рапорт.

- Я знаю, Дэниелс, - Брюстер снял очки в роговой оправе и принялся яростно тереть стекла грязной полкой куртки.
- Но если я оставляю «небоевые», Дороти Хендерсон придет бумага про несчастный случай. Ей урежут страховку, и пенсию она получит копеечную, как если бы Хенди пьяным под армейский грузовик угодил. Ей придется всю жизнь объяснять соседям в Детройте, почему ее мужа застрелили свои же по дороге в латрину. Ей с этим жить, понимаешь?

Лейтенант водрузил очки обратно на переносицу.

- А с этой бумажкой он останется парнем, который погиб за свою страну. Для нее он будет героем. Семья получит нормальные деньги, а в Детройте его имя высекут на гранитной плите. Им так будет легче.

Дэниелс промолчал. Голос Брюстера звучал сухо и монотонно. Бывший студент из Огайо просто пытался хоть как-то склеить разваливающийся вокруг мир с помощью казенных формулировок. Правда про Хендерсона была слишком уродливой - парень в трусах, рваная дыра в животе и лужа крови в бамбуке. Штабная ложь выглядела куда чище.

К окопу подошел Хуан Санчес. Он держал в руках винтовку и хмуро косился на лейтенанта.

- А с Коулом что будет, сэр? - спросил Хуан. - Этот при-

дурок под трибунал пойдет или как?

Брюстер устало потер виски.

- Коула заберет комендантская рота. Батальон назначит расследование, отправят бумаги в штаб дивизии, а там дело либо замнут, либо впаяют ему срок в Дисциплинарном батальоне. Я не знаю, Санчес. Мое дело - заполнить форму.

Лейтенант решительно прижал бланк к колену, поставил размашистую подпись и вывел дату: «19 JUN 1967».

Бумага была готова. Скоро она уйдет по инстанциям вверх, в штаб бригады, Пентагон и архивные подвалы, где казенные отчеты лежат бесконечными рядами. В этих папках живые люди окончательно превращались в аккуратные штабные отчеты, и эта писанина оставалась единственным, что напоминало об их существовании.

Днем Дэниелс наткнулся на Коула.

Салага забился в пустой окоп у южного сектора. Он сидел на дне, подтянув колени к подбородку и уткнувшись лицом в ладони. Его M16 валялась тут же, брошенная в пыль на бруствере. Джек подошел и остановился над ним. Коул поднял голову. Глаза у парня опухли, лицо было грязным от размазанных слез.

- Я не хотел, - выдавил Коул.

Дэниелс молча смотрел на него. Ковальски не хотел ловить пули в бамбуке. Ломакс не хотел подышать в девятнадцать лет. Хендерсон не хотел получить свинец по дороге в латрину. Никто здесь ничего не хотел. Но все делали то, что

приходилось, и от их желаний в этих джунглях ничего не менялось.

- Я знаю, - сказал Джек.

- Он ведь промолчал, - парень шмыгнул носом, голос его сорвался на глухой заемный шепот. - Я крикнул «стой», а в ответ тишина. Подумал, гуки через минное поле просочились. Нам же твердили на инструктаже: будьте готовы, они ползут ночью, в любой момент... Я и был готов. А это Хенди. Сэр, он же меня три дня назад сам учил контакты на радиции протирать. Говорил: «Держи их в сухости, пацан, и связь не подведет». А я его...

Джек опустился на край окопа. Ноги гудели от усталости, а от сбивчивой речи салаги внутри становилось совсем тошно. Коул пытался найти хоть какую-то логику в том, что его наставник теперь лежит в мешке, а сам он сидит в грязи с клеймом убийцы. Но никакой логики не было. Были только сорок четыре письма в рюкзаке радиста и этот перепуганный пацан из Айовы, который просто хотел поступать правильно.

- Коул, слушай меня, - Дэниелс достал сигарету, но зажигать не стал, просто крутил в пальцах. - Ты испугался в темноте, страх - штука быстрая. Но палец на спуске был твой. Пуля твоя, и Хендерсон мертв. Вот и весь расклад. Не ищи, кто тут крайний. Хенди не виноват, ты не виноват, и война эта гребаная тоже не виновата. Просто так вышло.

Коул уставился на него дикими глазами. Он ни черта не понимал. Пацану позарез нужен был виноватый - штабные,

вьетнамцы, дьявол или он сам, - хоть кто-то, на кого можно свалить эту тяжесть. А Джек предлагал ему тащить этот груз в одиночку. До конца жизни.

К окопу подошел Санчес. Он остановился рядом, опираясь на пулеметную сошку, и хмуро глянул сверху вниз на зажевавшего губы салагу.

- Ему Брюстер рапорт подписал как «убит в бою», - глухо бросил Хуан. - Дороти получит нормальную бумагу из Пентагона. Хенди для нее останется героем, а не парнем, которого свой же пришил у унитаза. Хотя тут лейтенант дело сделал.

Коул вздрогнул при упоминании вдовы радиста, поднял взгляд на солдат и тихо спросил:

- Мне... мне написать его жене?

Дэниелс промолчал. Вопрос повис в горячем воздухе базы. Что салага мог ей выдать? «Дорогая миссис Хендерсон, я застрелил вашего мужа в трусах, потому что мне слышался шорох». В казенной системе эти строчки все равно бы выбросили цензоры, но Коул цеплялся за это письмо как за последнюю соломинку, просто не зная, что еще можно сделать.

- Не знаю, - наконец выдавил Джек.

Он поднялся, сунул сигарету за ухо и перехватил ремень винтовки. Это было единственное честное, что он мог сказать пацану. Вокруг все продолжали врать - Брюстер в рапортах, капеллан в молитвах, газеты в тылу. И только это сухое «не знаю» оставалось настоящим среди всей штабной

брехни.

- Пошли, Санчес, - бросил Дэниелс через плечо. - Надо патроны к выходу пересчитать.

Ночь. Девятнадцатое июня. Дэниелс лежал в окопе.

Вещмешок Хендерсона унесли. Рацию забрал Брюстер и передал новому радисту, рядовому Дэлу из пополнения. Дэл уже нацепил на спину PRC-25, длинный штырь антенны торчал над его каской. Через неделю Дэл тоже начнет строчить домой, а может, и не начнет. Через месяц он будет так же месить грязь или поймает свой осколок, и рация перейдет следующему парню.

Пакет с письмами забрал капеллан Моррисон. Пообещал переслать Дороти вместе со всеми пожитками. В Детройт сначала придет казенный бланк с жирным штампом «KIA», а недели через две почтальон притащит посылку: застиранную хэбэшку, стоптанные ботинки, бритвенный станок, карманную Библию и сорок четыре конверта. Дороти вскрыет пластик, и листы рассыплются по кухонному столу на цветастую клеенку. Окна в доме будут открыты из-за летней духоты, ветер качнет занавеску. Дороти примется читать. Каждая страница будет начинаться одинаково: «Дороти, милая», а внизу синей ручкой выведено: «Люблю, Джо». Буквы останутся четкими, а вот самого Джо больше не будет.

Санчес зашевелился в темноте на соседней позиции, поправляя под головой рюкзак.

- Джек, - тихо позвал он. - Спишь?

Дэниелс уставился в темное небо над холмом.

- Нет.

- Я все про письма эти думаю, - Хуан вздохнул, звякнув пряжкой ремня. - Моя Мария, небось, сейчас тоже у окна сидит в Эль-Пасо. Ждет. Если со мной что случится... Ты конверты мои в целлофан замотай, ладно? Не забудь.

- Заткнись, Санчес, - глухо бросил Джек. - До утра еще три часа. Спи давай.

Хуан затих. Дэниелс закрыл глаза, но сон не шел. До Детройта оставались тысячи километров и несколько дней тишины. Там Маргарет еще спала в своей кроватке, занавеска шевелилась от ветра, и домашний мир пока оставался целым.

Двадцать первого июня, на второй день передышки, Дэниелс снова стирал форму.

Толку от этого не было никакого. Куртка по-прежнему не сохла в душном воздухе, зеленое армейское мыло в ржавой воде не мылилось, но тереть ткань было нужно. Просто чтобы занять руки. Весь день разбивался на такие понятные, заученные действия. Встать, умыться, вычистить зубы жесткой щеткой из индивидуального набора. Вскрыть банку сухая с сосисками или дождаться переваренного риса от Кэша, если повезет. Разобрать винтовку, проверить затвор, почистить магазины. Постирать, поесть, лечь в блиндаже. Парни двигались механически, как прихожане в церкви, на автомате бубнящие заученную наизусть молитву.

Кэш выставил на стол огромный термос с растворимым кофе. Джек налил полную жестянку и уселся на патронный ящик. Кружка обжигала пальцы, горячая сладкая жижа прокатилась по пищеводу, и тело на миг расслабилось. Голова оставалась пустой. Дэниелс отвык думать.

В обед на базу прорвался почтовый грузовик. Привезли свежие газеты и бандероли. Хуан Санчес сразу утащил в угол палатки пачку газет «Старз энд Страйпс» и принялся лениво листать страницы. На первой полосе красовался свежий рапорт командования: «В провинции Плейку продолжается операция “Фрэнсис Мэрион”. Обнаружены крупные склады противника. Потери врага - сорок семь убитых».

Санчес ткнул пальцем в заголовок, повернувшись к Джеку:

- Глянь, чего пишут. Сорок семь гуков прикопали. А в прошлый раз вообще круглая цифра была. Штабные там в Токио эти палочки в блокнотах чертят, отчеты строчат... Только Хенди от этой писанины из мешка не вылезет.

Джек промолчал. Сорок семь, ноль, сто - для него эти цифры давно потеряли значение. Казенные отчеты в штабах превращали трупы в аккуратную статистику, чтобы у генералов в Сайгоне не болела совесть.

Дэниелсу протянули листок от матери. Она писала, что тетя Нелл собрала посылку с шерстяными носками ручной вязки. Мать не стала ей объяснять, что Джек в джунглях носит портянки, чтобы ноги не сгнили. Еще писала про сосед-

ку, миссис Холл, которая похоронила мужа, пришла в гости, сидела на веранде и плакала, пока они молча ели пирог с пеканом. Напоследок мать добавила: «У нас в приходе новый пастор, отец Фрэнк. В прошлое воскресенье он читал про Иова. Про то, что страдание - это просто испытание, и Господь никогда не пошлет человеку больше, чем тот способен выдержать. Я молюсь за тебя, Джек, и знаю, что Бог тебя хранит».

Джек аккуратно сложил письмо и убрал в карман. Мать верила в библейского Иова, который потерял детей, скот, дом и здоровье, но дождался, пока Бог ответит ему из бури.

Дэниелс поворочался на жестком деревянном ящике. Иову крупно повезло. У его бед был конкретный адрес, он мог кричать в небо и требовать ответа. Здесь, в красной глине Плейку, кричать было некому. Плотный тропический ливень - это просто физика и метеорология, тучам плевать на солдат под бруствером. Хендерсон вот не выдержал кусок свинца в брюхо. Скончался за восемь минут в одних трусах посреди лагеря. Выходит, казенная формула пастора дала сбой и Господь отмерил радисту лишнего?

Хуан Санчес отложил газету, бережно достал из кармана чистый бланк и огрызок карандаша.

- Надо Марии черкануть пару строчек, - тихо сказал он, послунявив грифель. - Напишу, что повар наш сегодня еду не сжег и что погода нормальная. Не буду про Хенди писать, зачем ей пугаться. Пусть думает, что мы тут просто на скла-

дах сидим.

Дэниелс достал свою сигарету и чиркнул спичкой.

- Правильно, Санчес. Напиши, что все путем. Бабы должны верить, что мы тут в бирюльки играем. Иначе у них там дома все посреди кухни рухнет.

Джек вытащил свой листок. Дома, в Алабаме, мать, тетя Нелл и плачущая миссис Холл пекли пироги и ждали парней с фронта. Их мир держался на этой слепой вере, на воскресных проповедях и заштопанных носках. Разрушать эту стену Дэниелс не собирался. Он прижал бумагу к колену и быстро вывел привычную, аккуратную ложь: «Дорогая мама, у меня все хорошо».

Коула забрали на третий день.

Приказ из батальона пришел внезапно: рядового перевести в распоряжение штаба на время расследования. Коул наспех скинул в мешок шмотки, увязал спальник и залез в присланный за ним джип. Машина тронулась по разбитой колее. Дэниелс мельком увидел в заднее стекло лицо салаги - бледное, с какими-то огромными, дикими глазами. Джип вильнул на повороте и скрылся за деревьями.

Бумажная машина закрутилась. Бланк DA Form 285 пойдет по инстанциям вверх, штабные следователи в Дакто станут вызывать парня на допросы. Коул снова будет бубнить про то, что испугался шагов и не хотел ничего плохого. Его показания аккуратно подошьют в папку. Потом батальон вынесет вердикт: трибунал, перевод в другую часть или отправ-

ка обратно на передовую. Тот белобрысый пацан из Айовы, который мечтал поступать правильно, все равно исчез. Он остался там, в ночной траве возле латрины, в ту самую секунду, когда рванул спуск. А в тыл уехал уже кто-то другой, безразличный ко всему.

Дэниелс проводил машину взглядом. Санчес подошел и встал плечом к плечу, лениво ковыряя щепкой в зубах.

- Отмучился малый, - глухо сказал Хуан. - Считай, легко отделался.

- Брюстер говорит, следствие будет, - ответил Джек.

- Да брось ты, Джек, какое следствие? - Санчес сплюнул щепку в грязь и хмуро посмотрел на дорогу. - Подержат в штабе, замяли дело - и концы в воду. Кому охота возиться с паникером. Через неделю пришлют нам новую партию салаг из Сайгона, и все пойдет по новой.

Дэниелс ничего не ответил. Хуан говорил очевидные вещи, но от этой правоты в горле стоял лишь сухой комок. На базе «Фёрст-Кав» привычные человеческие понятия давно потеряли свой вес, и парни цеплялись за них просто потому, что других слов на этой войне еще не придумали.

Четвертый день передышки. Последний.

Завтра - выход на прочесывание. Новый маршрут вглубь леса, где за густыми ветками ждал враг. С утра опять закидывать на плечи потяжелевший вещмешок, проверять магазины, крепить к рюкзаку трубы гранатометов «Лоу» и месить грязь до самого вечера, пока лейтенант не прикажет копать

окопы для ночевки.

Дэниелс сидел у края периметра. Зеленая стена кустов стояла в пятидесяти метрах от бруствера. В этих зарослях хватало мин, снайперов на деревьях и мутных ручьев, но штабные планы с красивыми стрелками на картах оставались на бумаге. Здесь, на голом холме «Фёрст-Кав», среди шести гаубиц и трех колец колючей проволоки, работали другие законы. Сырость гноила форму, пули рвали мясо, а вечернее солнце просто красило горизонт в багровый цвет из-за законов оптики. Лес жил своей жизнью, и до американских солдат ему не было никакого дела.

Санчес опустился рядом в глину. Он принес две последние банки «Баллантайна» и протянул одну Джеку. Дэниелс привычно пробил жестянку штык-ножом, ловя пальцами теплую пену. Они пили молча, глядя на темнеющий горизонт. Из динамика в палатке уже не доносилось радио, вокруг ухали только глухие звуки лагеря.

- Дэниелс, - негромко позвал Санчес, крутя в руках жестянку.

- Чего тебе?

- Ты сам-то думаешь назад вернуться? Ну, домой.

Джек повернул голову. Хуан сидел хмурый, прижав локти к коленям. На его шее под грязной хэбэшкой прятался позеленевший крестик, а в Эль-Пасо ждала Мария, которой он так и не решился написать про убитого радиста. Санчес спрашивал не просто про билет на самолет до Штатов. Он

хотел знать, можно ли вообще выбраться из Плейку живым и прежним.

- Не знаю, Санчес, - глухо отозвался Джек, затягиваясь припрятанным в кулаке бычком. - Хрен его знает.

Хуан молча кивнул. Другого ответа он и не ждал. Парни допили пиво. Санчес с хрустом смял банку ладонями и швырнул ее в мешок для хлама. На базе следили, чтобы пустые жестянки и обертки от сухпая не валялись под ногами, - тыловики увозили мусор на грузовиках в Дакто. Учет барахла армия вести умела, в отличие от учета человеческих жизней.

Дэниелс раздавил свою жестянку, бросил в ту же кучу и поднялся, оправляя ремень винтовки. Завтра взвод снова уйдет в бамбуковые заросли. Нужно было выспаться, пока Брюстер не прокричал подъем.

Утром двадцать первого июня второй взвод роты «Чарли» построился у палаток.

В строю стояли двадцать два человека. На одного меньше, чем притащилось на базу четыре дня назад, и на десять меньше, чем выходило на марш в мае. Лейтенант Брюстер хмуро разглаживал пальцами топографическую карту. Его очки в роговой оправе запотели от утренней сырости, а раненая кисть была туго перетянута свежим бинтом.

- Маршрут прежний: квадрат 827, северо-западный сектор, - сухо отчеканил Брюстер. - В головной дозор идут Райт, Санчес, О'Брайен и Дэл. Связь держим по «двадцать пятой»,

частота 47,5. Стоятые гаубицы базы прикроют по первому свистку. Медевак вызовем, если прижмет. Вопросы?

Парни молчали. Офицер отдал стандартные приказы, штабная машина выдала порцию казенных слов, но за ними не стояло ничего, кроме сплошной стены леса впереди. Взвод просто возвращался на зачистку. Трава, грязь, мины - джунглям было плевать на то, кто в них заходит.

Новый радист, рядовой Дэл из Кентукки, переступил с ноги на ногу. Тощий парень с торчащим кадыком горбился под тяжестью одиннадцатикилограммовой PRC-25. Длинный штырь антенны качался у него за спиной. Дэл принял рацию Хендерсона, но по его тупому, сонному лицу нельзя было понять, думает он об убитом радисте или нет. Дэл просто тащил казенный ящик, который должен был связывать взвод с артиллерией холма.

Дэниелс привычно закинул на плечи тридцатикилограммовый вещмешок. M16 - в правой руке, полный магазин на месте, патрон загнан в патронник, предохранитель защелкнут. Поясные подсумки туго набиты патронами, поверх рюкзака прикручены две одноразовые трубы «Лоу». В сухарке болтались четыре банки свинины с фасолью, рядом висели фляги с хлорированной водой. Полный комплект пехотного барахла для того, чтобы стрелять, жрать и спать в грязи.

Взвод двинулся к разрыву в колючей проволоке. Парни проходили мимо колеи с минами «Клеймор», чьи серые пластиковые корпуса смотрели аккуратно в сторону леса.

Санчес на ходу поправил ремень пулеметной ленты, сплюнул под ноги и тихо проговорил:

- Ну вот и погуляли, Джек. Прощай, теплое пиво. Опять болота месить. Марие вчера отписал, что у нас тут тишина... Хоть бы не сглазить.

Дэниелс даже не повернул головы в его сторону.

- Шевели копытами, Санчес. Меньше думай о бабах, лучше по сторонам смотри. Вон Дэл уже в кусты полез.

Новый радист первым шагнул за периметр базы. За ним потянулся весь взвод. Сапоги сразу начали скользить по размокшей глине. Солнце уже поднималось над холмом, заливая Плейку ровным белым светом, а небо над головами стояло чистое и совершенно безразличное к ползущей внизу цепочке солдат.

Джек шел в ногу с остальными, уставившись на спину Санчеса. Навалившаяся на плечи тяжесть вещмешка и винтовки была привычной, но в голове крутилось совсем другое. Перед глазами стоял разинутый рот Ломакса, мертвый взгляд Рамиреса и Хендерсон, хрипящий в трусах на мокрой траве. Казенная ложь в рапортах Брюстера, дежурные строчки в письме матери - всё это Джек тащил с собой в заросли бамбука. Тело тупо выполняло команду, сапоги вгрызались в желтую жижу, и Дэниелс просто переставлял ноги, уходя глубже в зеленую стену. Там, среди лиан, их уже ждали.

Глава 3: Хуже ада

Двадцать шестое июня. Пять дней после Хендерсона. Пять дней после Коула. Пустое, застывшее время. Сколько его ни считай, оно не копится и не становится больше. Пять бессмысленных дней ничем не отличаются от одного такого же дня или от целой тысячи. Часы шли, но для людей время остановилось.

Второй взвод роты «Чарли» замер у периметра огневой базы «Фёст-Кав» в ожидании приказа. Утро выдалось привычным: над джунглями висел плотный серый туман, пропитанный сыростью и пороховой гарью. Гаубицы молчали. Артиллеристы спали. Кэш грел кофе в своем котелке, и от него несло привычной для «Фёст-Кав» смесью - жженым железом и приторным сахаром. Дэниелс стоял в строю и всматривался в белесую пелену. Она стояла плотной стеной, точь-в-точь как джунгли, пряча за собой всё то же самое: невидимого врага и пустоту.

Лейтенант Брюстер вышел из командного бункера. Очки у него, как обычно, запотели. Повязку с руки он уже снял, и кожа под ней казалась розовой, глянцевой, будто после недавнего ожога. Расстелив карту на капоте «джипа», он подозвал командиров отделений Второго взвода. Капрал Райт из первого отделения поведет головной дозор. Сам Дэниелс числился в третьем, у капрала Питерсона. Этот пулеметчик теперь таскал на спине и тяжелый М60, и патронные ленты, из-за чего стал напоминать выучный скот. Он и раньше-то был неразговорчив, а теперь и вовсе замкнулся в глухом молча-

нии.

Брюстер начал ставить задачу:

- Квадрат восемьдесят два, семь. Идем на северо-запад, вдоль хребта. Разведка докладывает, что в районе деревни Зо Ля, в четырех километрах от базы, замечены силы NVA. Вероятно, тридцать второй полк или подразделения шестьдесят шестого. Наша цель - нащупать противника, оценить его численность и навести артиллерию. В ближний бой без крайней нужды не ввязываться.

Название «Зо Ля» Дэниелс уже где-то слышал. Горное поселение монтаньаров, домов тридцать, не больше. На штабных картах его отмечали просто как «населенный пункт», а в батальонных отчетах оно значилось «зоной свободного огня». Этот статус давал право уничтожать там любого встречного. Американская авиация и артиллерия могли утюжить эти квадраты без лишних запросов, согласований и проверок. На деле «свободный огонь» означал полную безнаказанность. Такие зоны объявляли в местах, где гражданским было велено убираться вон. Логика простая: раз не ушел - значит, противник. Но монтаньяры, дегары, эти коренные горцы, жили на своей земле веками. Они не понимали приказов ни на вьетнамском, ни на английском языках. Они искренне не соображали, ради чего им бросать свои дома. Они просто оставались на месте. Так они и превращались в мишени для расстрела - не из-за того, что взялись за автоматы, а просто потому, что никуда не ушли.

Выдвинулись в семь тридцать.

Восемнадцать человек вместо двадцати двух. Четверо остались на базе: двое с малярией, один с дизентерией, а рядовой Беккет - с гноящейся раной на ноге. Он наступил на бамбуковый шип прямо у окопа. Пуля била честно, а скрытый в грязи колышек действовал исподтишка. Шип пробил подошву ботинка. За два дня стопа распухла и покраснела. Фолзи пичкал парня пенициллином, пока тот лежал в бункере без единого звука. Беккет молчал от нестерпимой боли, Рамирес - по своим причинам. Разное молчание, но с общим итогом: слова тут не помогали.

Маршрут проложили по узкому хребту - метров двадцать в ширину, а по бокам обрывались склоны, заросшие глухими джунглями. Под ногами вилась старая вьетнамская тропа. Идти по ней - всё равно что пробираться по чужому дому, где хозяин знает каждый угол, а пришелец постоянно спотыкается. Дорога петляла между валунами и поваленными стволами. На каждом повороте дозорные замирали. В зарослях взгляд бесполезен, надеяться приходилось только на слух. Птичий гомон служил главным ориентиром: если птицы резко умолкали, значит, впереди кто-то притаился. Они всегда замечали чужаков первыми.

Дэниелс держался в середине колонны. Повесил M16 стволом вниз, проверил предохранитель. Лямки тяжелого рюкзака намертво въелись в плечи сквозь пропотевшую форму. Ткань липла к телу, но к этой сырости все давно привык-

ли. Привычным стало вообще всё: удушливый зной, стопроцентная влажность, неподъемный груз и глухой страх. Сами понятия смешались и обесценились. Словно старая монета, которую слишком долго терли в кармане: рельеф стерся, остался лишь гладкий, ничего не значащий кружок металла.

Через час колонна уперлась в ручей. Вода по колено, мутная взвесь, скользкие камни под ногами - здесь все потоки выглядели одинаково. Переправились. На том берегу капрал Райт вскинул вверх кулак. Сигнал «стоп». Отряд послушно замер. Дэниелс на автомате опустился на одно колено и принялся всматриваться в заросли. Вокруг пестрила зелень, качались листья, ползли тени. Никакого движения. Райт застыл с поднятой рукой. Секунды тянулись впустую. Время просто шло сквозь людей, не оставляя следа, как вода сквозь ячеистую сетку.

Райт опустил руку и шагнул вперед. Колонна двинулась следом. Никто не стал расспрашивать дозорного. Возможно, ему просто почудилось. Какая-нибудь ветка качнулась от ветра, или птица на мгновение прервала свой крик. В этих лесах об опасности предупреждали не звуки, а внезапная тишина. Новички пытались разгадать эти знаки разумом, но логика здесь не работала. Тут требовалось чутье, которое притуплялось от усталости и обычно приходило слишком поздно.

К деревне Зо Ля вышли в десять сорок.

Под деревней подразумевалось несколько построек. Бам-

бук, солома, пальмовые листья. Из листьев дегары плели плотные маты для крыш, из расщепленных стволов собирали стены и настилали полы. Хижины стояли на сваях ради защиты от змей и наводнений. Так здесь строили веками, но сейчас эти постройки превратились в ориентир для стрельбы.

Вокруг не было ни души. Дэниелс заметил это первым, поскольку привык смотреть под ноги, а не на кроны деревьев. Всю землю у домов плотно утоптали. Вперемешку шли отпечатки сандалий из автомобильных шин, следы маленьких босых ног и тяжелых армейских ботинок американского образца. Значит, недавно тут проходили свои - возможно, разведка или патруль из роты «Браво», работавшей в этом секторе неделю назад. Следы пересекались и перекрывали друг друга, превратившись в нечитаемую мешанину.

Брюстер скомандовал начать проверку. Два отделения растянулись в цепь с интервалом в десять метров и двинулись через поселение с юга на север. Дэниелс шел со своей M16 наготове: переключатель на режиме «F», палец лежит на предохранительной скобе. Инструкторы вдалбливали жестко - переносить палец на сам спуск можно только при виде противника. Вокруг высились лишь пустые стены, где могла скрываться засада.

Внутри первой хижины стояли полумрак и прохлада. Дэниелс уловил непривычный запах, в котором отсутствовали привычные приметы войны: ни гнили, ни порохового

дыма. Пахло мирным бытом - посудой, одеждой и пучками сохнувшей под потолком травы. На бамбуковом полу лежали плетеные циновки, а у стены стоял глиняный горшок с остатками покрытого черной плесенью риса. Жильцов не было.

В следующем доме картина повторилась: те же циновки, утварь и запасы зерна. Выделялась лишь одна деталь - на стене в грубой рамке висел снимок. Маленькая, помятая черно-белая фотография старого монтаньяра с иссушенным, как кора дерева, лицом. Старик позировал на фоне точно такой же хижины.

В третьем доме Дэниелс резко замер. Мышцы сработали быстрее разума, тело среагировало на инстинктах и наотрез отказалось делать следующий шаг.

На циновке лежала мертвая девочка лет пяти или шести. Черные спутавшиеся волосы, самодельное белое платье с красной вышивкой. Ткань на животе пропиталась кровью, которая уже успела потемнеть и подсохнуть на воздухе.

Входное отверстие выглядело совсем небольшим, размером с крупный гвоздь. Однако пуля прошла навылет, и нанесенных ею внутренних разрывов хватило, чтобы мгновенно оборвать жизнь. В помещении стояла абсолютная тишина.

Дэниелс вышел наружу. Ноги подкосились, и он сполз по бамбуковой стене на землю. Его придавило. Навалилась осязаемая, чудовищная тяжесть от увиденного внутри. Земное притяжение словно выросло вдвое: тело обмякло, придавило к грязи, и встать не получалось. Автомат лежал рядом в

пыли. Пальцы онемели.

Санчес отыскал его спустя пару минут. Опустился рядом. Долго молчал, глядя перед собой, потом глухо выдавил:

- Там еще есть.

Дэниелс повернул к нему голову. Санчес на него не смотрел - уставился мертвым взглядом в стену джунглей. Мышцы на его лице обмякли, черты как-то дико поплыли, будто под кожей лопнули жилы и лицо держало форму только по старой привычке.

- Сколько?

- Шесть. По разным хижинам раскиданы. Двое взрослых, четверо мелких. Женщина, двое мужиков, три девочки и пацан. Младшему от силы года три.

Дэниелс промолчал. Санчес отчитывался ровно, выдавая сухие цифры, словно диктовал координаты на карте. Шестеро. Четверо детей. Три года. Голова фиксировала эти данные, но уложить их внутри, свыкнуться с ними было невозможно.

- Кто работал?

Санчес долго возил ладонью по колену. Наконец процедил:

- Черт его знает. На куски порвало. Но гильзы валяются пять-пять-шесть. Наши стреляли.

Калибр пять пятьдесят шесть. Стандарт для M16. Свои. Пули, прилетевшие из штатных американских стволов, которые держали американские парни на этой американской

войне.

Дэниелс поднялся. Дошел до четвертого дома и шагнул за порог. У стены ничком лежал пожилой монтаньяр. Прямо между лопаток темнела аккуратная круглая отметина. Выходного отверстия видно не было, а переворачивать труп Дэниелс не стал. И так ясно. Очередь догнала старика прямо на полу, он даже не пытался бежать.

В пятом доме лежала женщина. Совсем молодая, лет двадцати пяти. Она свернулась калачиком у потухшего очага, поджав ноги, и если бы не натекшая лужа, казалось бы, что она просто прилегла отдохнуть. Рядом лежал мальчик лет трех в такой же белой одежде с красной вышивкой. Его рука была вытянута вперед, и детские пальцы запутались в материнских волосах. Обычный домашний жест, который теперь застыл навсегда.

Дэниелс выбрался на воздух и прислонился спиной к опоре. Руки ходили ходуном. Он изо всей силы прижал ладони к бедрам, пытаясь унять эту тряску, но пальцы продолжали ходуном ходить по плотной ткани штанов. Тогда он просто опустил руки. Крупная дрожь колотила тело, и это было привычно, потому что привычным здесь становилось вообще всё.

Брюстер собрал взвод на окраине.

Новый радист Дэл протянул ему гарнитуру. Брюстер заговорил в микрофон. Его голос звучал неестественно ровно, с сильным, едва сдерживаемым напряжением. Он докладывал

в батальон:

- Bravo-шесть, я Чарли-шесть. Нахожусь в деревне Зо-
Ля, квадрат восемьдесят два, семь. Обнаружены тела шести
гражданских. Есть женщины и дети. Причина смерти - огне-
стрельные ранения калибра пять-пять-шесть. Похоже, здесь
поработал американский патруль. Повторяю: отработали на-
ши. Жду указаний.

Доклад ушел в эфир. Радиоволна понесла эти слова в Дак-
То, напрямик в штаб батальона, где дежурный офицер за-
фиксировал сухую формулировку «результат действий пат-
руля». Штабные отчеты легко переваривали такие фразы.

Брюстер ждал ответа. Прошла минута, затем вторая. Из
динамика доносилось лишь монотонное шипение. Дэл с тру-
дом крутил ручку настройки частоты, его пальцы заметно
ходили ходуном. Парень явно не справлялся с оборудовани-
ем так же уверенно, как погибший Хендерсон. Весь взвод
застыл в ожидании.

Наконец рация ожила. Брюстер прижал трубку к уху. По
мере того как он слушал, его лицо каменело. Взгляд стал
стеклянным, челюсти сжались. Появилось тяжелое осозна-
ние того, как именно сейчас поступит командование.

Брюстер вернул гарнитуру радисту и повернулся к коман-
дирам отделений. Лицо у лейтенанта стало серым, как пепел.

- Приказ штаба: зафиксировать координаты тел, нанести
отметки на карту, к убитым не прикасаться. Из батальона
вышлют следственную группу. Нам предложено продолжить

движение по маршруту.

Оставить всех на месте. Не трогать мертвых детей, не хоронить женщину и мальчишку. Просто нанести точки на штабной лист. Шесть трупов превращались в набор цифр, в обычную отчетность, которую штаб подошьет к делу.

Команда «продолжить выполнение задачи» означала поиск противника. Но противников взвод уже нашел. Ими оказались девочка на циновке, ребенок у очага и старик, расстрелянный в спину. По документам они автоматически считались врагами, поскольку находились на территории свободного огня. Любой человек здесь по умолчанию приравнивался к цели просто потому, что не бросил свой дом и остался жить на родной земле.

Взвод построился. Дэниелс встал в цепь. Ноги держали, хотя еще минуту назад казалось, что он не сдвинется с места. Мышцы сработали на автомате. Тело двигалось упрямо и тупо, не зная про расстрелянные хижины, а просто несло рюкзак дальше по тропе. Иначе он бы рухнул прямо там, в грязи, рядом с убитыми.

Колонна двинулась на север, вдоль хребта. Сверху глухой стеной сомкнулись заросли. Позади остались бамбуковые дома, трупы и тучи слетевшихся мух. Обычная лесная биология: плоть гниет, насекомые делают свою работу. Обычные законы природы, которым плевать на происходящее.

Дэниелс шагал, уставившись в спину идущего впереди. В голову лезли рассказы проповедника Тернера и слова мате-

ри. Дома ад описывали подробно: огонь, кипящая сера, скрежет зубов. Там все выглядело логично. Ад считался возмездием, куда попадают за конкретные грехи по справедливому суду. Страшное, но понятное место. В нем присутствовал смысл. Человек горел, зная, за что именно. Мучения имели четкую причину, и грешник понимал, что заслужил это. В Зо Ля никакой логики не было.

Деревня оказалась хуже любого религиозного ада. Здесь полностью отсутствовали причины. Девочка на циновке ни в чем не провинилась. Мальчик у очага ничего не сделал. Старик даже не подозревал, что его дом внесли в списки «зон свободного огня». Да и объясни ему кто эти слова на английском, он бы ничего не понял. Пуля калибра пять пятьдесят шесть оказалась единственным понятным аргументом.

В адском пламени виновный знает свой приговор. В Зо Ля не было виноватых. Имелись только убитые и те, кто нажимал на спуск. Между ними не стояло ни греха, ни суда. Патруль просто зашел в поселение и открыл огонь. Солдаты выполняли инструкцию штаба, которая требовала зачищать территорию. Они стреляли, дети гибли, и этот механизм работал без сбоев.

Дэниелс перешагнул через поваленный ствол. В аду есть судья и приговор. Здесь - только армейские патроны, рвущие внутренности пятилетней девчонке. Стрелок мог не видеть, в кого целится, или не думать об этом в суматохе. Но отсутствие мыслей не освобождало от содеянного. Маленькое те-

ло на плетеной циновке ломало любую привычную картину мира, не умекаясь ни в уставы, ни в законы, ни в человеческую речь. Оно просто лежало там, в пустой хижине, подчеркивая всё остальное.

В одиннадцать тридцать взвод встал на привал. Брюстер приказал окопаться на небольшом бамбуковом холме с видом на север. С этой точки хорошо просматривалась кромка леса. Километрах в двух виднелась широкая просека - то ли естественная поляна, то ли очередная вырубка, то ли еще одно поселение дегаров.

Дэниелс взялся за малую пехотную лопату. На бруствер пошла первая глина. Пальцы привычно делали свое дело: врезать сталь в корень, вывернуть ком, отбросить в сторону и прихлопнуть сверху. Тело перешло на автоматизм. Мышцы слушались команд, реагируя исключительно на плотную почву, мешающие корни и мелкий щебень. Физическая работа отвлекала. Простые механические движения оставались тем немногим, на что еще можно было опереться.

Закончив с ячейкой, Дэниелс вскрыл сухпак. Тушенка с бобами из жестяной банки. Он разогрел консервы на таблетке сухого горючего. Маленькое синее пламя едва грело. Дэниелс ел ложкой прямо из банки, жуя холодноватое жирное мясо. Еда как еда, обычный армейский рацион. Для этого не требовалось никаких мыслей.

О случившемся в Зо Ля он старался не вспоминать. Возвращаться мыслями к тем хижинам означало снова увидеть

расстрелянных людей. Колонна ушла, мертвые остались в домах. Живые отдельно, убитые отдельно. Между ними легла глухая черта, за которую Дэниелс не пытался заглянуть. На той стороне остался мальчишка, запутавшийся пальцами в материнских волосах, но Дэниелс сидел здесь, на холме, и просто жевал сухпай.

В тринадцать ноль пять началось.

Первый выстрел грохнул сверху, из кроны дерева. Следом полоснула одна очередь, за ней другая. Дэниелс за полгода научился безошибочно узнавать этот звонкий, сухой, лающий звук автомата Калашникова.

Дэниелс плашмя рухнул на дно ячейки, зарывшись лицом в прелые листья и корни. Чистый рефлекс. Вокруг замелькали стволы деревьев и вспышки. Рядом оглушительно зачастил пулемет Питерсона - М-60 выдавал сплошной плотный грохот, под ноги с металлическим звоном полетели горячие гильзы. В этот момент мир сжался до двух понятий: тяжелый стук своего оружия и хлесткие ответы чужого.

С фланга истошно заорали:

- Контакт! По деревьям! На три часа!

Кричал Райт. Дозорные первыми приняли удар. Дэниелс перекатился и вскинул глаза вправо. Перед ним стояла сплошная зеленая стена. Никакого движения. Он вскинул приклад к плечу, поймал мушкой смутные просветы между ветками и нажал на спуск. Выдал пять выстрелов подряд. Ствол привычно дернулся в руках. Дэниелс сменил магазин

и снова открыл огонь, вслепую всаживая свинец в заросли. Листва безвозвратно поглощала пули. Целей видно не было, но он продолжал стрелять, потому что ничего другого делать не оставалось.

Засвистели мины. Короткий свист, секундная тишина и глухой удар. Первый разрыв лег метрах в двадцати. Во все стороны полетели комья земли, срезанные ветки и рваное железо. Кто-то закричал от боли. Дэниелс до предела вжался в грунт. Свежевырытый полуметровый окоп принял на себя основной удар: бруствер из глины поймал осколки, не дав им пройти дальше. Качество копки сейчас решало всё.

Снова свист. Пауза. Взрыв раздался гораздо ближе, метрах в десяти. Мелкие куски металла с визгом пронеслись над самой головой. От этого звука крупная дрожь сама собой пошла по рукам и ногам, зубы выбивали дробь.

Третий. Свист. Секундная пустота.

Удар.

Самого удара Дэниелс не застал. Вспыхнул свист, а затем мир полностью выключился. Ни страха, ни боли - просто бесконечная пустота. Потом из темноты проступило слепящее белое марево. Оно давило на уши и глушило, пока белизна медленно не сползла в серые сумерки. А вслед за ними пришла тупая, раскалывающая боль в затылке и пояснице.

Он лежал на спине на дне ячейки. Прямо над головой сквозь плотный бамбуковый навес пробивался тусклый зеленый свет.

Мина разорвалась на самом краю. Полметра плотной, мокрой глины приняли удар на себя. Ляг снаряд на метр левее - прямо в окоп - и Дэниелс сейчас лежал бы точно так же, как та девочка на циновке в Зо Ля. Его бы просто засыпали землей, нанесли точку на карту и пошли дальше. Спаса обычная геометрия: бруствер поймал рваное железо, осколки намертво увязли в грунте. Жизнь от смерти отделил один метр спрессованной грязи.

Дэниелс с трудом приподнялся. Левая рука онемела от взрывной волны, в ушах стоял сплошной плотный гул. Он быстро ощупал себя: ноги целы, живот сухой, крови нет. Контузило, но дышать можно.

В соседней ячейке зашевелился Санчес. Он лежал ничком, уткнувшись носом в жижу. Дэниелс дотянулся и сильно потрянул его за плечо. Тот перевернулся. Лицо в грязных разводах, дикие глаза, но дышит.

- Живой? - прохрипел Дэниелс.
- Вроде да, - Санчес сплюнул землю.
- Брюстер где?
- Не видел.

Вокруг продолжался бой. Трещали автоматы, где-то в стороне орали раненые. Дэниелс встал на колени и перехватил M16. Мушка и дульный срез оказались забиты глиной. Он с хрустом передернул затвор - механизм шел туго из-за попавшего внутрь песка. С таким стволом автомат заклинит после первого же выстрела. Дэниелс выхватил шомпол, несколько

раз резко пробил ствол и вытер металл ветошью. Работает.

Стрельба стихла минут через двадцать. Вьетнамцы растворились в зарослях так же быстро, как и появились.

Только в этот раз без потерь не обошлось. Брауна убило на месте - крупный осколок прилетел прямо в шею, перебив артерию. Фолзи сидел рядом на коленях, безуспешно пытаясь зажать рану, но жгут тут не помогал. Яркая кровь хлестала толчками, заливая медику руки и форму. Пулеметчик умер за полминуты, так и не закрыв остекленевшие глаза. Фолзи застыл над телом, тупо глядя на свои окровавленные ладони.

Райта зацепило в бедро. Осколок прошел навывлет, не задев кость. Капрал сидел у корней раскидистого дерева, намертво перетянув ногу бинтом.

- Да ладно вам, херня, - морщась, процедил он сквозь зубы. - Чисто мясо порвало. До свадьбы заживет.

Дэниелс сидел, прислонившись спиной к дереву, и тупо разглядывал собственные ладони.

Обычные руки. Мозолистые пальцы, сбитые костяшки, въевшаяся под ногти черная грязь. Те самые руки, которые только что судорожно вбивали шомпол в забитый ствол М16 и копали глину. Четыре часа назад они перебирали доски дверного косяка в пустой хижине. К убитой девочке они не прикоснулись. Штаб велел ничего не трогать, и взвод просто прошел мимо.

Смерть прошла в метре от него. Если бы наводчик миномета взял на одну тысячную левее, или пороховой заряд

в mine оказался чуть мощнее, осколки бы не застряли в бруствере. Ветер, траектория, кусок спрессованной земли - из этих случайных мелочей сложилось его «жив». В лесу не работали молитвы или былые заслуги. Значение имели только законы баллистики и плотность грунта.

Самым паршивым оказалось отсутствие всякой логики в происходящем. В рассказах проповедника Тернера грешники были и скрежетали зубами за конкретные проступки. В адском пламени существовал понятный порядок: совершил зло - получил наказание. В Зо Лея никакого порядка не было. Пятилетняя девчонка ни в чем не провинилась, старик не выбирал, где ему родиться. Их просто вычеркнули из списка живых сухим армейским термином «зона свободного огня».

Здесь полностью отсутствовал суд. Патруль, расстрелявший хижину, скорее всего, даже не понял, по кому вел огонь в предрассветной путанице. Солдаты вернутся на базу, батальон вышлет следственную группу, штаб аккуратно зафиксирует отчетность. Машина снабжения продолжит штамповать консервные банки со спамом и новые боевые распоряжения. Этот конвейер работал без сбоев.

Дэниелс пошевелил затекшими ногами. Дрожь в мышцах так и не прошла. Тело ныло от усталости и контузии, реагируя на пережитый бой безо всяких мыслей. Ему не требовались сложные слова, чтобы признать очевидное: мир вокруг окончательно перестал быть понятным и правильным, превратившись в безжалостный, отлаженный механизм.

Ближе к сумеркам вызвали «медевак». Вертолет забрал раненого Райта и тело Питерсона. Пулеметчику штатная медицинская помощь уже не требовалась - его упаковали в стандартный пластиковый мешок. На картонной бирке чернилами вывели: «Brown, R.J.». Погибшего внесли в ведомость, погрузили в отсек, и борт ушел на базу. Интендантская служба отработала четко.

Небо опустело. По верхушкам деревьев разлился багровый закат, постепенно переходящий в густые фиолетовые тени. Лесу и небу не было дела до Питерсона, до расстрелянных в деревне детей или до быющей внизу пехоты. Воздух просто остывал, джунгли погружались в темноту.

Взвод обустривал позиции на ночь. Дэниелс привычно углублял свою ячейку. Малая лопата, полметра вглубь, бруствер. Мокрая глина неохотно поддавалась стали. Лопата режет корень, земля летит на бруствер, яма становится глубже. В этой монотонной работе оставалась понятная взаимосвязь: есть физическое усилие - есть видимый результат. Пожалуй, это единственное правило, которое еще соблюдалось на этой войне.

В темноте Дэниелс растянулся на дне окопа. Плотные кроны полностью закрыли звезды. Из темноты доносился привычный лесной шум: треск цикад, шорох ветра в зарослях и возня какого-то зверья в кустах. Сон не шел, в голову лезли домашние письма.

Мать постоянно присылала строчки о том, что Господь его

хранит. Она искренне верила в Божью защиту, в высшую волю, которая якобы отвела от него осколки на бамбуковом холме.

Дэниелс смотрел в черноту над головой и пытался сопоставить ее слова с тем, что видел днем. Если метр глины над его головой держала Божья рука, то чья рука направила патрон калибра пять пятьдесят шесть в пятилетнюю девчонку на циновке? Нельзя верить в избирательное спасение. Либо высшие силы управляют траекторией каждой пули и каждым взрывом, либо они вообще ни при чем. Если все предрешено заранее, то именно эта воля оставляет детей гнить в пустых хижинах. А если это не так, значит, молитвы матери - пустой звук. Тогда бруствер оставался просто бруствером, свинец - свинцом, а жизнь зависела от слепой удачи и законов баллистики, в которых нет места справедливости.

Прежний мир окончательно развалился. Это началось не сегодня, а гораздо раньше: с Ломакса, Рамиреса, гибели Хендерсона и фальшивых отчетов о потерях противника. Раньше Дэниелс просто замечал трещины в этой картине, надеясь, что она устоит. Теперь перед ним лежали обломки. Прежние ориентиры стерлись, а новые здесь не приживались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.